18+

КРИСТИ ЩЕРБАКОВА

ПЕПЕЛ НОСИТ ТВОЁ ИМЯ



ТЁМНЫЙ РОМАН

Кристи Щербакова

Пепел носит твоё имя

«Издательские решения»

Щербакова К.

Пепел носит твоё имя / К. Щербакова — «Издательские решения»,

В семь лет Элиана Вальери пережила пожар, уничтоживший её семью. Теперь она живёт под чужой фамилией и тайно готовится отомстить мафиозным домам Грейхейвена. Но новый преподаватель Адриан Равелли знает о ней слишком много. Спасая друзей, Лиа попадает в его власть — и обнаруживает, что за гибелью её родителей стоит не один предатель. Чтобы выбраться, ей придётся решить, где заканчивается любовь и начинается чужая воля.

© Щербакова К.
© Издательские решения

Содержание

О книге 6
Содержание 7
Пролог. Восточная дверь 9
Часть первая 12
Глава 1. Шесть минут до дождя 12
Глава 2. Дом с жёлтой кухней 14
Глава 3. Чужие у кафедры 16
Глава 4. Человек, который нашёл ребёнка 18
Глава 5. Четверг на Рыночной 20
Глава 6. Цена уступки 23
Глава 7. Девушка у прачечной 25
Глава 8. Лена Рук 27
Глава 9. Кофе вне расписания 29
Глава 10. Страница без номера 31
Глава 11. Там, где стоял рояль 34
Глава 12. Урок об отказе 36
Глава 13. Последняя остановка 38
Глава 14. Ответ, который у неё отняли 40
Часть вторая 43
Глава 15. Дом с освещёнными окнами 43
Глава 16. Место для белья 47
Глава 17. Чужой счёт 51
Глава 18. Дорога под листьями 55
Глава 19. Палата у лестницы 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Пепел носит твоё имя

Кристи Щербакова

© Кристи Щербакова, 2026

ISBN 978-5-0071-6072-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

В семь лет Элиана Вальери осталась единственным человеком своего рода, которого не поглотил пожар. Приёмные родители дали ей другой дом и другое имя. Память осталась прежней.

Теперь Лиа учится в колледже, спорит с друзьями, прячет от матери разбитые костяшки и собирает фамилии людей, которых в Грейхейвене предпочитают не называть. Появление нового преподавателя превращает её поиски в борьбу за чужие жизни.

Адриан Равелли умеет объяснять, как заключается договор. Рядом с ним Лиа узнаёт, чего стоит ответ, произнесённый под угрозой.

В этом городе преступные дома хранят общую тайну, полиция пытается заставить свидетелей говорить, а люди продолжают открывать магазины и встречать детей после школы. Чтобы добраться до истины, Лиа придётся увидеть последствия собственной мести — и решить, что она готова передать тому, кто родится после неё.

Содержание

Пролог. Восточная дверь
Глава 1. Шесть минут до дождя
Глава 2. Дом с жёлтой кухней
Глава 3. Чужие у кафедры
Глава 4. Человек, который нашёл ребёнка
Глава 5. Четверг на Рыночной
Глава 6. Цена уступки
Глава 7. Девушка у прачечной
Глава 8. Лена Рук
Глава 9. Кофе вне расписания
Глава 10. Страница без номера
Глава 11. Там, где стоял рояль
Глава 12. Урок об отказе
Глава 13. Последняя остановка
Глава 14. Ответ, который у неё отняли
Глава 15. Дом с освещёнными окнами
Глава 16. Место для белья
Глава 17. Чужой счёт
Глава 18. Дорога под листьями
Глава 19. Палата у лестницы
Глава 20. Поля на полях
Глава 21. Остановка у ворот
Глава 22. Люди после смены
Глава 23. Имя свидетеля
Глава 24. Когда стихал дождь
Глава 25. Музыка за дверью
Глава 26. Открытые ворота
Глава 27. Угол хлеба
Глава 28. Десять строк
Глава 29. Право отказаться
Глава 30. Морозильный корпус
Глава 31. Благотворительный завтрак
Глава 32. Вода под причалом
Глава 33. Тёплая вода
Глава 34. Последние ноты
Глава 35. Имена на стекле
Глава 36. Неоплаченные палаты
Глава 37. Дома без номеров
Глава 38. Муниципальный архив
Глава 39. Комната с открытой дверью
Глава 40. Чужая первая полоса
Глава 41. Договор о тишине
Глава 42. Ниже линии прилива
Глава 43. Вода в стакане
Глава 44. Условия тишины
Глава 45. Слово целиком

Глава 46. Переплёт
Глава 47. Нераспечатанное
Глава 48. Имена в протоколе
Глава 49. Час без имени
Глава 50. Две полосы света
Глава 51. Восточная дверь
Глава 52. Те, кто остался в доме
Глава 53. Кому можно сказать
Глава 54. После выстрела
Глава 55. То, что записано
Глава 56. Берег, на котором тепло
Эпилог. Место для воды
Семьи и родство

Пролог. Восточная дверь

Катерина Вальери сняла с дочери правую туфлю и поставила её на подоконник.

— Эта натирает, — сказала она. — Сейчас вернусь с другими.

Лиа запомнила потом именно туфлю. Не причину, по которой мать так быстро поднялась с колен, не два коротких хлопка внизу. Туфлю из чёрной кожи с пряжкой в форме цветка. На подоконнике остался след влажной подошвы: во дворе шёл дождь, а Лиа перед ужином ходила смотреть на улиток.

Из зала доносилась музыка. Кто-то раз за разом брал на рояле одни и те же четыре ноты. Дядя Виктор обычно ругался, когда дети трогали клавиши, но сегодня он сам разрешил ей поднять крышку. Даже показал, как нажимать левую педаль. От педали не получалось звука; Лиа не понимала, зачем она нужна.

Мать подошла к двери и не открыла её. Постояла, приложив пальцы к крашеному дереву.

— А вторую? — спросила Лиа.

Катерина обернулась.

У неё на шее было тонкое золотое ожерелье, которое отец застёгивал перед ужином. Лиа сидела на кровати и наблюдала за ними: мать придерживала волосы, отец не мог попасть маленьким крючком в кольцо и смеялся себе под нос. Теперь одна половина ожерелья лежала поверх воротника, другая исчезла под ним.

— Что вторую, солнышко?

— Туфлю тоже снять?

Мать присела рядом. Лиа почувствовала запах её крема: миндаль, что-то сладкое. Пальцы у матери были холодные, когда она расстёгивала пряжку.

Внизу разбилось стекло.

Катерина оставила вторую туфлю на полу. Подхватила дочь, хотя Лиа уже давно считала себя слишком большой, чтобы её носили. В коридоре горели все лампы, и это почему-то было страшнее темноты.

На лестнице показался отец.

Джулио Вальери держался за перила. Его рубашка с одного бока потемнела, но Лиа решила, что он разлил вино. Так уже бывало, когда они с дядей спорили за столом. Отец увидел их и поднял ладонь.

— В бельевую. Не наверх.

— Джулио…

— Катя. Сейчас.

Лиа слышала, как он дышит. С таким звуком дышал старый насос возле теплицы, когда в шланг попадал воздух.

Мать развернулась так резко, что плечо дочери ударилось о стену. Из-за лестницы вышел Виктор. Его жилет был расстёгнут. Он что-то сказал отцу, очень быстро, почти умоляя.

— Мы договаривались о другом.

Джулио посмотрел на него. Лиа никогда прежде не видела, чтобы отец смотрел на родного брата так долго и не отвечал.

Мать прижала её лицо к себе.

В бельевой пахло мылом, сыростью и лавандовыми мешочками. За шкафом стояла маленькая низкая дверь. Роза говорила, что раньше по этому ходу приносили уголь, и запрещала туда лазить: можно было напороться на гвозди. Катерина отодвинула бельевую корзину. Лиа поставили на каменный пол.

— Ты останешься здесь. Роза за тобой придёт.

— А ты?

— Я встречу её у двери.

— Можно мне к папе?

Мать обхватила её голову обеими ладонями. В этой тесной комнате лицо Катерины оказалось совсем близко: маленькая трещинка на нижней губе, красная ниточка в белке глаза, капля воды у виска. Лиа всё разглядела, потому что мать не давала отвернуться.

— Ты ничего не должна брать. Ни кукол, ни платье. Слышишь?

— А шкатулку?

— Ничего.

Мать поцеловала её в лоб. Потом ещё раз, уже в волосы, слишком сильно сжав плечи.

За стеной кто-то крикнул. Катерина вздрогнула, но рук не убрала.

— Элиана, как тебя зовут?

Лиа обиделась. Она знала своё имя.

— Элиана Вальери.

— Запомни. Твоё имя — твоё. Что бы тебе ни сказали.

Дверь закрылась.

Поначалу Лиа видела только полоску света у пола. Она стояла босиком на холодном камне, обняв себя за плечи. За деревянной перегородкой шуршала ткань. Мать, наверное, снова искала туфли. Лиа чуть не позвала её: левую туфлю оставили наверху. Было неудобно идти по углю босиком.

Потом в комнату вошли мужчины.

— Где она? — спросил незнакомый голос.

Мать ответила что-то тихо. Лиа не разобрала. Она нагнулась ближе к щели и увидела башмак на коврике, край чужого пальто и руку. На руке было кольцо с тёмным камнем. Через вставку шла светлая трещина, как молния на чёрном небе.

— Здесь никого больше нет, — сказала мать.

— Катерина…

У матери вырвался короткий, чужой смешок.

— Вы хотя бы помните имена, прежде чем приходите?

Лиа зажала рот ладонью. Не потому, что понимала разговор. Ей вдруг ужасно захотелось чихнуть: в узком ходе поднялась пыль.

Голос с кольцом произнёс:

— Закройте восточную дверь.

В комнате что-то упало.

Мать больше не ответила.

Лиа сидела на корточках, пока не заболели ноги. Свет под дверью сперва стал оранжевым, потом пропал. Пахло горелой тканью — как тогда, когда она поставила куклину юбку слишком близко к камину. Она хотела постучать, сказать, что здесь дым. Её обещали забрать, а взрослые иногда забывали, когда были заняты.

С другой стороны поскреблись.

— Девочка. Лиа.

Роза говорила шёпотом. Дверь открылась на ладонь и остановилась. В щель просунулась рука в шерстяном рукаве. Роза тянула, а что-то мешало снаружи.

— Ляг на бок. Давай. Плечиком вперёд.

Лиа протиснулась в проход. На полу лежала груда белого белья. Она посмотрела туда, где недавно стояла мать, но Роза заслонила собой комнату.

У Розы поседела одна бровь. Лиа помнила эту белую полоску всю жизнь.

Они пошли по угольному ходу. Роза кашляла и держала её так крепко, что пальцы начинали неметь. Ступеньки оказались скользкими. Наверху глухо гудело, будто по крыше катили тяжёлый шкаф. Из-за стены донёсся крик Виктора:

— Я открыл вам ворота!

Ему не дали договорить.

Угольный ход вывел к канаве за теплицей. Дождь почти прекратился. Лиа узнала запах мокрых помидорных стеблей. Дом за стеклом был жёлтым изнутри.

— Папа там, — сказала она.

Роза опустилась на колени.

— Смотри на меня.

— Он не вышел.

— Я знаю.

Роза сняла свой кардиган, обмотала им Лиа и завязала рукава узлом на груди. На тёмной шерсти не было видно пятен. Только когда Роза вытерла рот ладонью, Лиа поняла, что у неё кровь.

Со стороны кухни осветили огород.

Роза толкнула её в канаву.

— К ручью. Там труба под дорогой. Сиди в ней, пока не станет светло.

— Ты со мной?

— Сначала ты.

Лиа сползала по мокрому склону. Зацепилась ступнёй за корень и закричала. Роза протянула руку, но не смогла дотянуться.

— За камень держись, — сказала она. — Не за меня.

Луч света остановился на её спине.

Лиа упала в воду. Вода была мелкая, ледяная, пахла железом. Она добралась до трубы на четвереньках. Из одного края трубы капало, в другом виднелась полоска серого неба. Шерсть намокла и потяжелела. Лиа пыталась развязать узел, но у неё ничего не получилось.

Ближе к утру кто-то позвал:

— Здесь! Под дорогой!

Она не вышла. Прижала ладони к ушам.

Человек опустился на корточки перед трубой. На куртке у него поблёскивала звезда, на подбородке был маленький порез. Он снял фуражку, положил на землю и долго ничего не говорил.

— Меня зовут Дэниел, — сказал он наконец. — Я не стану тебя вытаскивать. Могу просто посидеть здесь.

Она смотрела на его руки. На пальцах не было колец.

Потом за его плечом поднялся чёрный дым, и Лиа всё-таки спросила:

— Вы нашли мою маму?

Дэниел опустил глаза.

Этого оказалось достаточно.

Часть первая
Чужие у кафедры

Глава 1. Шесть минут до дождя

Марк отсчитывал время по часам, у которых треснуло стекло. Новые ему подарили на двадцать второй день рождения, но они лежали дома: слишком большие, слишком дорогие и почему-то отставали.

— Ещё минуту, — сказал он.

Лиа упиралась предплечьями в старый гимнастический мат. Из дыры возле локтя лезла серая набивка. Под потолком заброшенного зала хлопало незакрытое окно, и каждое движение холодного воздуха попадало на потную шею.

— Ты это говорил минуту назад.

— Значит, ещё одну.

— Хороший способ воспитать доверие.

Он присел рядом.

— Ты задерживаешь дыхание. Потом у тебя кружится голова, а виноват я.

— Виноват обычно ты.

— Согласен. Дыши.

Она дотянула до сигнала, перекатилась на спину и закрыла лицо ладонями. Ладони пахли пылью и резиной. Марк протянул бутылку, подождал, пока она сядет. Он никогда не дёргал её за руку, чтобы поставить на ноги. Когда-то Лиа объяснила, что не любит этого; он запомнил с первого раза.

За окном находилась задняя стена консервного завода. На кирпичах ещё читалось название давно закрытого цеха, но из десяти букв осталось семь. На карнизе жили голуби. Их шум был единственным, что не менялось здесь с тех пор, как шестнадцатилетняя Лиа нашла зал и притащила сюда школьную скакалку.

Марк тогда пришёл за ней через два дня.

«Ты хоть дверь изнутри не запирай. Здесь потолок может рухнуть».

Она ждала запретов, доноса родителям, длинного разговора о нормальной жизни. Он привёз фонарь и уборочные мешки. Позже согласился помогать с тренировками. Условий оказалось больше, чем она хотела: не заниматься с температурой, не прятать травмы, не путать боль с полезной нагрузкой. Последнее она нарушала чаще всего.

— Сегодня после занятий меня не будет, — сказал Марк. — Смена в центре.

— Я могу одна.

— Можешь. Но сегодня отдохнёшь.

Лиа отвернула крышку бутылки.

— Ты начинаешь говорить как твой отец.

— Мой отец сказал бы, что эта крыша не соответствует вообще ничему. И был бы прав.

Снаружи прошёл грузовик, заглушив ответ. Завод несколько лет перепродавали: менялись таблички на воротах и фамилии в местной газете, но кирпичи оставались прежними. Неделю назад на заборе появилась камера. Марк заметил её первым.

Лиа тоже заметила. Она просто решила не придавать этому значения.

На полу, возле её рюкзака, завибрировал телефон.

Анна: «Ты поела? Павел оставил тебе сырники».

Лиа посмотрела на время и выругалась.

— До автобуса шесть минут.

— До дождя тоже, — сказал Марк.

Они вышли через боковую дверь. Лиа убрала волосы под капюшон, но длинная чёрная прядь всё равно прилипла к щеке. Марк вытащил из кармана старую резинку, которую носил на случай, если она снова забудет свою.

— Ты понимаешь, как это выглядит? — спросила она.

— Как выдающаяся предусмотрительность.

— Как будто ты держишь у себя запасные части от меня.

— Только те, без которых ты не успеваешь на автобус.

У остановки он свернул к своей машине. Лиа поймала его за рукав.

— У тебя опять отец ночевал в участке?

Марк пожал плечами.

— У доков пропал человек. Диспетчер буксира. Жена говорит, вышел за молоком.

— А отец что говорит?

— Что нужно найти человека.

Она отпустила рукав.

Марк посмотрел на неё тем взглядом, который Лиа терпеть не могла: без упрёка, но слишком внимательно.

— Не надо, — сказал он.

— Я ничего не делаю.

— Вот именно. Постарайся сохранить это достижение.

Автобус подошёл под первыми каплями. Лиа села у окна и достала из рюкзака коробку с сырниками. Сверху Павел положил бумажную салфетку, сложенную вчетверо. Он считал, что в общественном транспорте всё грязное. На салфетке размашистым почерком было написано: «Крышку потом верни».

Она съела один сырник холодным.

Город просыпался с обычным раздражением. У пекарни женщине не хватило мелочи; продавец махнул рукой. Рабочие в оранжевых жилетах толкали тележку с кабелем. Над закоЛоченным рыбным магазином горел свет в квартире. Лиа видела эти окна с детства и никогда не знала, кто за ними живёт.

На перекрёстке автобус остановился дольше положенного.

Перед ним стояли две полицейские машины.

Чуть дальше, у складской арки, натянули ленту. Под ней проскользнула собака; молодой полицейский побежал следом и едва не поскользнулся. Пассажиры одновременно повернули головы. Женщина рядом с Лиа перекрестилась, потом сердито попросила водителя объехать.

У самой стены лежала белая простыня. Из-под неё выглядывала подошва мужского ботинка. Рядом стоял пакет молока, целый, с отклеившимся уголком.

Лиа поставила коробку на колени.

Она знала, как быстро вокруг мёртвого человека возникает свободное место. Люди, которым ещё вчера было трудно разминуться в узком проходе, теперь отходили на несколько шагов, уступая ему пространство. Потом место займут другие. Ленту снимут. Стену вымоют.

Мужчину это уже не вернёт.

Телефон завибрировал снова.

Несса: «Ты где? Говорят, у нас новые преподы. Тим уже влюбился в стипендию».

Лиа закрыла коробку и ответила большим пальцем: «В пробке».

Автобус тронулся. В запотевшем стекле её отражение наложилось на простыню, а затем исчезло за углом.

До колледжа оставалось пять остановок.

Глава 2. Дом с жёлтой кухней

В доме Морозовых нельзя было найти две одинаковые чашки. Анна говорила, что покупает их по одной, потому что так интереснее. Павел утверждал, что дело в посудомоечной машине, которую она не разрешает ему заменить. Лиа подозревала, что правы оба.

Вечером на кухне пахло жареным луком и книжным клеем. На дальнем краю стола под прессом лежал разорванный переплёт. Анна реставрировала детскую энциклопедию, из которой кто-то когда-то вырезал страницы с бабочками.

— Как можно вырезать бабочек? — спросила она, поднимая очки на лоб. — Их же проще перерисовать.

— Восемь лет, ножницы, отсутствие последствий, — ответила Лиа.

— Тебе восемь лет было давно.

— Я защищаю неизвестного коллегу.

Павел снял кастрюлю с огня. Он работал в синей футболке, на которой не отстирывались две светлые полосы. Лиа в детстве думала, что это особый рисунок, обозначающий его профессию.

— Твой коллега мог бы вернуть крышку от контейнера, — сказал он.

Она достала крышку из рюкзака и вручила ему с поклоном.

Анна смотрела на её руки.

Лиа опустила рукава. На костяшке указательного пальца темнел синяк: утром она неудачно попала по мешку. Он был маленький, нелепый. Тем труднее было придумать ему достойное объяснение.

— Дверь? — спросила Анна.

— Да.

— Она у вас в колледже очень настойчивая.

Лиа промолчала.

Павел поставил перед ней тарелку. Он не стал участвовать в разговоре, но по тому, как долго выравнивал ложку возле края, она поняла, что слышал всё.

Новости показывали без звука. На экране сменялись доки, полицейская лента и лицо человека, которого нашли утром. Имя шло внизу: Артур Миллс, диспетчер. На фотографии он сидел на пластиковом стуле возле детского бассейна и щурился от солнца. В кадр попадала чужая рука с бумажным стаканом.

Анна потянулась к пульту.

— Оставь, — сказала Лиа.

Мать замерла.

Лиа редко называла её так вслух. Слово появилось через два года после переезда к Морозовым и поначалу казалось предательством. Анна тогда сделала вид, что ничего особенного не услышала. Только вечером Лиа нашла её в ванной: она сидела на закрытой крышке стиральной машины и плакала, держа в руках мокрое полотенце.

Теперь Лиа знала, что у любви бывают разные способы не пугать ребёнка.

— Я знаю, что случилось, — сказала она. — Проезжала мимо.

Павел сел напротив.

— Поэтому у тебя такой вид?

— У меня обычный вид.

— Обычный у тебя злее.

Анна фыркнула. Лиа улыбнулась против воли.

Потом на экране показали женщину Миллса. Она стояла у дверей своего дома, придерживая за плечо мальчика лет десяти. В руках у мальчика была пустая собачья шлейка. Репортёр говорил, а женщина смотрела куда-то за камеру и не отвечала.

Лиа вытерла пальцы салфеткой.

— Можно мне завтра занять машину?

— Куда? — спросил Павел.

— В библиотеку округа. По работе.

Это было правдой. У неё действительно была курсовая: память городских сообществ после утраты крупных работодателей. Старые газетные подшивки подходили к теме. Подшивки вообще подходили ко многому.

Анна не сразу взяла ложку.

— Лиа, если тебе снова снятся сны…

— Не снятся.

Они снились в среду и в воскресенье. В среду она слышала, как мать идёт за другой парой туфель. В воскресенье никак не могла развязать мокрый узел на груди. Просыпалась от того, что кусала пальцы.

Павел кивнул на дверь.

— Машина заправлена. Только заднюю фару не забудь. Я поменяю в субботу, пока светит через раз.

После ужина Лиа помогла убрать посуду. Анна разрезала апельсин и оставила цедру возле переплёта: говорила, что от неё меньше пахнет клеем. Когда Павел ушёл смотреть фару, мать положила ладонь дочери на запястье.

— Ты можешь говорить нам правду не всю сразу.

Лиа посмотрела на её пальцы. На среднем была старая мозоль от ножниц.

— Я и говорю.

— Иногда. Когда уверена, что мы от неё ничего не сможем сделать.

Ответа не нашлось.

Наверху Лиа сняла кофту и долго стояла перед зеркалом. Длинные волосы цеплялись за пряжку ремня. Она распутала их, собрала в тяжёлую косу. В отражении голубые глаза казались чужими на фоне побледневшего лица. Катерина называла их отцовскими. У отца они были темнее; Лиа это помнила, хотя фотографии давно не видела.

Под кроватью стояла жестяная коробка от печенья.

Внутри лежали газетные вырезки, карта города и чёрная кожаная туфля с цветочной пряжкой. Только одна. Подошва высохла, на ней осталась земля из сада, которого больше не было.

Лиа не помнила, как туфля попала к ней. Дэниел однажды сказал, что её принесли из дома после пожара. Это было неудобное объяснение: в ночь пожара Роза велела ничего не брать.

Она открыла тетрадь.

На первой странице были три фамилии: Джулио Вальери, Катерина Вальери, Виктор Вальери. Под ними — двенадцать других, выписанных из старых новостей. Большинство обросло вопросительными знаками. Две фамилии были зачёркнуты: люди умерли раньше, чем Лиа успела вырасти.

Она добавила Артура Миллса.

Потом закрыла тетрадь. Вернулась на кухню и спросила, не нужно ли Анне помочь с бабочками.

Глава 3. Чужие у кафедры

В новой преподавательнице Нессе прежде всего понравились ботинки.

— На них можно купить мою семью, — сказала она Лиа.

— Твоя мать будет торговаться.

— Потому я и говорю: можно, а не легко.

Они стояли возле расписания. У Нессы из сумки торчал серебряный театральный прожектор без лампы: реквизитор попросил занести на ремонт. Никаких причин носить его на лекции не было, но она утверждала, что так меньше шанс забыть.

Новые преподаватели держались у административного крыла. Их было четверо. Женщина с короткими тёмными волосами листала папку, не глядя на шумных студентов. Рыжеволосая преподавательница в тонком зелёном шарфе говорила по телефону. Мужчина помоложе помогал сотруднице секретариата поднять коробку. Четвёртый стоял у окна.

Он был выше остальных, в тёмной рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей. Пиджак висел на спинке ближайшего стула, как будто стул принадлежал ему вместе с коридором. Тёмные волосы были взъерошены; мужчина, не отрываясь от окна, провёл по ним пальцами и сделал только хуже.

— Вот этот тоже дорогой, — заметила Несса.

Лиа посмотрела на часы.

— Пошли. Нам ещё дешеветь на гражданском праве.

В аудитории привычное место преподавательницы занимала папка из гладкой кожи. На доске уже было написано: «Конфликт и договор». Ниже — имя.

Адриан Равелли.

Лиа остановилась между рядами.

— Что? — спросила Несса.

— Ничего.

Фамилия ей попадалась. Фонд Равелли спонсировал восстановление набережной, стипендии и две машины скорой помощи. В старых газетах она стояла рядом с другими фамилиями, но всегда на почтительном расстоянии от слов, за которые можно было судиться.

Мужчина у окна вошёл следом за ними.

— Садитесь, — сказал он. — Кто хотел уйти, тому удобнее сделать это сейчас.

Никто не ушёл. Несколько человек засмеялись.

Он не поддержал смех, но и не стал ждать торжественной тишины. Положил на стол часы, закатал манжеты. Карие глаза прошли по рядам спокойно, без попытки понравиться.

— Я веду короткий курс. Двенадцать встреч. Если после них вы научитесь замечать, чего именно от вас хотят, время будет потрачено не зря.

— А чего вы хотите от нас? — спросила девушка в первом ряду.

— Чтобы вы выполняли задания.

Теперь смех получился громче.

Лиа устроилась у прохода. Ей не понравилось, как быстро он занял аудиторию. Старым преподавателям приходилось повышать голос и ждать, пока закроют ноутбуки. Этот ничего не требовал; люди сами откладывали телефоны.

— Представьте, — сказал Равелли, — что два человека претендуют на одно и то же помещение. Оба могут показать документ. Оба считают себя правыми. Какое решение будет справедливым?

Пошли ответы: проверить дату, вызвать экспертизу, обратиться в суд, отдать помещение тому, кто раньше заплатил.

Равелли записал несколько вариантов.

— Вы ищете арбитра. А если арбитр недоступен?

Лиа подняла руку.

— Тогда это всё ещё вопрос справедливости или вы уже спрашиваете, кто сильнее?

Он посмотрел прямо на неё.

— Ваше имя?

— Морозова. Лиа.

— Вы считаете, что сила и справедливость исключают друг друга?

— Я считаю, что сильные любят задавать этот вопрос, когда уже взяли помещение.

В заднем ряду кто-то коротко присвистнул. Несса уткнулась взглядом в тетрадь.

Равелли повернул мел в пальцах.

— А вы любите отвечать до того, как узнали условия?

— Если условия меняют после моего ответа, какая разница, когда отвечать?

На секунду в аудитории стало тихо.

Он положил мел.

— Хорошо. Добавим условие. В помещении остаются люди. От вашего решения зависит, смогут ли они выйти.

Лиа перестала улыбаться.

— Тогда сначала выпускают людей.

— Даже если другой участник воспользуется этим против вас?

— Если вам для победы нужны запертые люди, проблема в вашей победе.

Она услышала свой голос слишком отчётливо. Поняла, что сказала больше, чем собиралась.

Равелли задержал на ней взгляд, потом повернулся к доске.

— Запишите обе позиции. Мы к ним вернёмся.

Остаток пары Лиа почти не слушала. На подоконнике сохла мокрая перчатка, забытая кем-то из студентов. В батарее щёлкала вода. Равелли обсуждал уступки, угрозы и разницу между договорённостью и послушанием. Она записывала отдельные слова, но строчки уезжали вниз.

Когда прозвенел звонок, Несса молча собрала обе сумки. Лиа застегнула рюкзак слишком резко; замок заел.

— Морозова, — позвал Равелли.

Она обернулась.

— Вы так со всеми незнакомыми людьми разговариваете?

— Только с теми, кто начинает знакомство с захвата помещения.

— В расписании моя фамилия стоит законно.

— Тогда вам повезло с арбитром.

Несса закашлялась.

Уголок его рта чуть приподнялся. От этого он неожиданно стал моложе.

— Следующая встреча в четверг. Постарайтесь не опоздать на спор.

Лиа вышла, не ответив. Только в коридоре заметила, что всё ещё держит сломанный язычок молнии в кулаке.

Глава 4. Человек, который нашёл ребёнка

У Дэниела Уитлока в кабинете стоял аквариум без рыб. Три года назад в нём жил одинокий сом, которому Марк дал имя Прокурор. После смерти Прокурора шериф вымыл стекло, поставил внутрь папоротник и объявил, что так даже лучше.

Лиа всегда садилась спиной к аквариуму.

— Ты пришла ко мне или к архиву? — спросил Дэниел.

— А можно сначала чай?

— Значит, к архиву.

Он выглядел старше, чем в прошлый раз. Под глазами пролегли тени, на виске застрял след от душки очков. В форме шериф казался плотным и тяжёлым человеком; в рубашке с закатанными рукавами было видно, что он похудел.

Лиа положила на стол копию газетной заметки.

— Здесь сказано, что Виктор Вальери погиб при попытке спасти брата.

Дэниел не взял лист.

— Я читал эту заметку.

— Он говорил, что открыл ворота.

На столе тихо гудел старый компьютер.

— Ты вспоминаешь это сейчас?

— Нет. Я помню это с семи лет. Просто в семь лет мне некому было объяснить, почему спасение начинается с ворот и заканчивается выстрелом.

Он откинулся на спинку кресла. В дверях появился помощник с папкой, увидел Лиа и отступил. Дэниел прикрыл дверь сам.

— В воспоминаниях после такого могут смешиваться…

— Не заканчивай.

Он опустил голову.

Лиа не любила, когда он становился осторожным. С осторожностью люди объясняли, что лучше не смотреть фотографии, не спрашивать, не читать заключение. Четырнадцать лет она получала разрешение помнить ровно столько, сколько не мешало взрослым спать.

— Мне двадцать один, — сказала она. — Мне не нужно прятать от меня моё детство.

— Я не прячу детство. Я пытаюсь не дать тебе повторить ту ночь.

— Тогда скажи, кто пришёл в дом.

Шериф встал к окну. Под ним, во дворе участка, водитель безуспешно толкал автомат с кофе.

— В деле есть неподтверждённые имена. Есть люди, которые исчезли после первого допроса. Свидетели меняли показания. Один отказался от них в тот же день, когда его сына сбила машина.

— Это не ответ.

— Это город, в котором я пытался тебя оставить живой.

Она посмотрела на тыльную сторону его ладони. Там, возле большого пальца, белел шрам. В ночь у ручья его ещё не было. Лиа помнила руки человека без колец, но с грязью под ногтями: Дэниел вылезал к ней из канавы, не дождавшись спасателей.

— Я знаю, — сказала она тише. — Я не забыла.

Шериф обернулся.

— Анна спрашивала про синяки.

— Значит, вы обсуждаете мои руки без меня?

— Она переживает за дочь.

— А ты?

— Я тоже.

От этого простого ответа стало хуже. Со злостью Лиа умела обращаться. Забота делала её несправедливой и заставляла ненавидеть себя уже потом, дома.

Она потянулась за заметкой, но Дэниел всё-таки положил на неё ладонь.

— Я ещё раз проверю, кто передал журналисту эту формулировку. Не обещаю, что найду.

— Спасибо.

— И вот ещё что. Если к тебе подойдут с вопросами о Вальери, ты не продолжишь разговор ради интереса. Позвонишь мне.

— Равелли?

Шериф замер на полуслове.

Теперь уже Лиа посмотрела на него внимательно.

— Он у нас преподаёт. Фонд, специальный курс. Ты разве не знаешь?

Дэниел слишком быстро взял телефон.

— Он говорил с тобой отдельно?

— Уточнил, всегда ли я такая невоспитанная.

— Лиа.

— Да. После пары. Не сказал ничего, за что можно его арестовать.

— Держись от него подальше.

— За это, кажется, снижают посещаемость.

Дэниел не улыбнулся.

В коридоре Лиа наткнулась на женщину в мокром плаще. У той подмышкой была картонная коробка с фотографиями, а на подбородке — светлый неровный шрам.

— Простите, — сказала Лиа, отступая.

Женщина посмотрела на неё, потом на дверь кабинета.

— Вера Блейк. Городское следствие. Вы свидетель?

— В каком-то смысле.

— Тогда надеюсь, вас здесь слышат.

В кабинете снова зазвонил телефон.

Вера прошла мимо. Лиа заметила сверху в коробке фотографию утреннего диспетчера. Его лицо прикрывала другая карточка, но пакет молока попал в кадр целиком.

На улице её ждал Марк.

Он сидел на капоте, держал два бумажных стакана. Когда Лиа подошла, протянул тот, на котором были нарисованы кривые звёзды.

— Ты не должен был ждать.

— А ты не должна была уходить из библиотеки через двадцать минут. Но вот мы здесь.

— Твой отец позвонил?

— Мой отец не единственный человек, который тебя знает.

Лиа взяла стакан. Кофе был слишком сладким. Марк всегда забывал, что она давно перестала класть сахар, а она каждый раз выпивала и не говорила.

— Ты слышал фамилию Равелли? — спросила она.

Он провёл большим пальцем по картонному шву.

— Да.

— Все слышали. Никто ничего не говорит.

— А ты уверена, что сначала собираешься выслушать, а потом что-то сделать?

Она посмотрела на него через пар.

— Нет.

Марк медленно кивнул.

— Хотя бы здесь честно.

Глава 5. Четверг на Рыночной

На Рыночной торговали дешёвыми цветами, рыбой и вещами, которые люди не собирались покупать. Несса шла за одной катушкой провода, а вышла из лавки с проводом, тканевыми перчатками и стеклянной птицей без хвоста.

— Её выбрасывали, — объяснила она.

Тим приподнял камеру.

— Лицо человека, способного спасти весь мусор города.

— Сними лучше, как ты не помогаешь нести пакеты.

Лиа отстала возле булочной. В витрине лежали круглые пироги с потемневшей корочкой. Анна любила пирог с луком; она никогда не покупала его себе, потому что Павел не любил лук. Лиа уже полезла за кошельком, когда из-за угла вылетел чёрный фургон.

Всё произошло не одновременно. Позже люди говорили, что всё произошло одновременно, но это было неправдой.

Сначала фургон ударил стоявшую у тротуара машину. Потом из магазина мужской одежды вышел человек в сером пальто. Он поднял обе руки, словно хотел показать, что они пустые. Из фургона открылась дверь.

Лиа услышала резкий сухой звук.

Седой мужчина у булочной успел сделать шаг в сторону, но так и остался стоять, опираясь на витрину. Стекло за его спиной покрылось трещинами.

Тим толкнул Нессу за каменную тумбу. Пакет порвался, стеклянная птица звякнула об асфальт. Лиа присела возле припаркованной машины и потянула за собой женщину с маленьким мальчиком. Женщина не отпускала ручку коляски, хотя ребёнок уже был у неё на руках.

— Бросьте её, — сказала Лиа.

Та не поняла.

— Коляску. Отпустите.

Мальчик закрыл рот варежкой. Он не плакал. На шапке торчал вязаный жёлтый рожок.

С другой стороны улицы ответили выстрелы. Люди, вышедшие из серого пальто следом, стреляли через столики кафе. Один столик опрокинулся; под ним остался лежать поднос с чашками. По тротуару текло кофе, перемешиваясь с водой из разбитой цветочной вазы.

Несса звала Тима.

— Я здесь! — крикнул он. — Не вставай!

У Лиа заложило уши. Она смотрела на колесо машины перед собой и не могла понять, почему оно такое неподвижное, когда всё остальное двигалось. В нос ударил знакомый запах, и на секунду вместо улицы появился узкий каменный ход.

Она прикусила щёку изнутри.

Здесь была улица. Рядом с ней сидел ребёнок. У ребёнка был жёлтый рожок на шапке. Его мать тряслась и не отпускала мёртвую коляску. Лиа повторила про себя эти три вещи и снова смогла слышать.

Из кафе выбежал молодой официант. На переднике темнело пятно. Он сделал несколько шагов, поднёс руку к груди и сел на край бордюра, как будто устал после смены.

— Не идите, — прошептала женщина.

Лиа уже поднялась.

Она не успела добраться до него. За воротник её схватил хозяин булочной и втянул в проём боковой двери. Человек, которого она всю жизнь видела улыбающимся, выкрикнул ей в лицо незнакомое ругательство.

— Ляжешь рядом — ему легче не станет!

Она ударилась спиной о полку. На голову посыпались бумажные пакеты.

Снаружи кричали.

Хозяин притянул дверь, оставив узкую щель. За его плечом официант медленно сполз с бордюра. Лиа посмотрела на его лицо и поняла, что не помнит его имени, хотя он дважды приносил ей кофе.

Полиция появилась с обеих сторон улицы. Сирены сначала казались частью стрельбы. Потом голос из громкоговорителя перекрыл всё остальное.

Дальше остались обрывки.

Мужчина из фургона лежал лицом на мостовой. Другой перебегал между машинами, прижимая к боку руку. Женщина из цветочного киоска ползла к нему, но он оттолкнул её так сильно, что она ударилась о скамью. Человек в сером пальто больше не двигался. Молодой полицейский пытался поднять раненого за плечи, пока Вера Блейк не остановила его коротким жестом.

Лиа узнала её по мокрому плащу.

Когда стрельба прекратилась, улица не сразу стала тихой. Долго работала автомобильная сигнализация. Ребёнок с жёлтым рожком наконец заплакал. Кто-то без конца произносил одно и то же имя, будто оно должно было помочь человеку встать.

У Тима была разбита бровь. Камера лежала на ремне у него на груди; на объективе появилась трещина. Несса сидела возле тумбы и сжимала в руке катушку провода. Она сказала, что не может разогнуть пальцы.

Лиа опустилась рядом.

— Посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Нет. На меня.

Несса подняла глаза.

— Он с утра дал мне бесплатно гвоздик, — сказала она. — Тот мужчина. У цветочного. Я сказала, что у меня нет мелочи.

Лиа не стала спрашивать, которого именно мужчину она имеет в виду.

Вера подошла к ним, присела на корточки. На рукаве у неё была кровь. Она заметила взгляд Лиа.

— Не моя. Кто-нибудь из вас ранен?

Тим показал на бровь. Вера кивнула медику.

— Вы видели, с чего началось?

— С фургона, — ответила Лиа. — Потом вышел мужчина в сером.

Вера записала. Не стала говорить, что всё в порядке. Лиа неожиданно почувствовала за это благодарность.

За спиной следовательницы остановилась тёмная машина. Из неё вышел Равелли.

На этот раз он был в пальто. Рядом с ним появился человек в неприметной куртке. Равелли сказал ему несколько слов, увидел полицейскую ленту и остановился.

Вера выпрямилась.

— Дальше нельзя, Адриан.

— Я не перехожу.

Лиа встретилась с ним глазами. Он посмотрел сначала на её руки, потом на Нессу, на Тима. Она ждала вопроса, но он промолчал.

Из булочной вынесли седого мужчину. На носилках его лицо выглядело сердитым. Сотрудница скорой придерживала простыню, чтобы она не упала.

Равелли отвёл взгляд.

Лиа впервые увидела, что его спокойствие тоже чего-то требует. Но это открытие не принесло облегчения.

Вечером объявили восемь погибших.

Двое принадлежали дому Бертоне. Трое работали на Де Лука. Остальные три фамилии в новостях произнесли без пояснений. Продавец цветов, прохожий, официант. Как будто у них было меньше истории.

Лиа нашла страницу кафе. Официанта звали Сэм.

Она записала имя в тетрадь, оставила страницу открытой и впервые за долгое время не пошла тренироваться.

Глава 6. Цена уступки

В следующую среду на первой паре было пусто. Кто-то не пришёл после стрельбы, кто-то решил воспользоваться общим молчаливым разрешением. На столе возле кафедры лежали бумажные платки, которых раньше там не было.

Равелли не стал делать вид, что они собрались на обычное занятие.

— Сегодня можно уйти в любой момент, — сказал он. — Это не повлияет на оценку.

— Великодушно, — произнесла Лиа.

Несса тронула её за локоть.

Он услышал, но не отреагировал. Записал на доске одно слово: «Уступка».

— Есть разница между тем, что вы можете отдать, и тем, чего от вас не имеют права требовать.

Лиа посмотрела на слово. После Рыночной ей плохо удавалось сидеть спиной к двери. В аудитории было тепло, а кончики пальцев оставались холодными.

— Кто определяет разницу? — спросила она.

— Иногда закон. Иногда ваша готовность отказаться от соглашения.

— При условии, что вас выпускают из помещения.

Он положил мел на край доски.

— Верно.

Она не ожидала согласия и от этого разозлилась сильнее.

Равелли разделил группу на пары. Им достались карточки с вымышленными конфликтами: аренда, наследство, доступ к дороге. Никаких оружия и угроз. Лиа с Нессой получили спор между владельцем участка и женщиной, чей дом оказался отрезанным от воды.

— Я буду женщиной, — сказала Несса. — Ты слишком убедительно выглядишь человеком, который перекрыл воду.

К концу задания Лиа согласилась восстановить трубу за счёт владельца и предоставить женщине временное жильё.

Равелли остановился возле их стола.

— И от чего отказалась вторая сторона?

— От иска, — ответила Несса.

— Почему?

— Потому что мне нужна вода, а не его деньги на адвокатов.

Он посмотрел на Лиа.

— Удовлетворены?

— Тем, что дом разрушили, а потом торжественно разрешили в нём снова жить?

— Вы сами предложили это решение.

— Я предложила убрать последствия. Вы называете это уступкой пострадавшей.

Он слегка наклонился к столу. Лиа заметила на костяшке его пальца маленький свежий порез, слишком аккуратный для её утренних синяков.

— Тогда измените условия, Морозова.

— Я бы начала с вопроса, зачем владелец перекрыл воду.

— Ответа может не быть.

— Он обычно есть. Просто некоторым людям неудобно его произносить.

Между ними повисла пауза. В ней Лиа внезапно увидела не преподавателя, а мужчину, который замечал каждое её движение и не считал нужным этого скрывать. Это было неприятное, слишком телесное ощущение. Она выпрямилась и отодвинула стул.

Равелли отступил первым.

— Хороший вопрос. Оставьте его в работе.

После пары Несса поймала её у автомата.

— Ты или перестань с ним воевать, или перестань смотреть, когда он отворачивается.

Лиа нажала кнопку так сильно, что автомат выдал два стаканчика.

— Я не смотрю.

— Конечно. Ты ведёшь наблюдение за потенциальной угрозой. Угрозе тридцать с небольшим, и у неё хорошие плечи.

— Несса.

Подруга стала серьёзнее.

— Я вижу, как тебе плохо. Я не умею это исправить. Могу только иногда сказать глупость, чтобы ты хотя бы меня послала.

Лиа посмотрела на неё. За неделю у Нессы потрескались губы: она всё время их кусала. На запястье остался след от порванного пакета, хотя сама она говорила, что на Рыночной даже не оцарапалась.

— Прости.

— За что? Я заслужила.

Они допили ужасный кофе вместе.

В библиотеке Лиа нашла Марка. Он сидел на полу у нижней полки и читал книгу по восстановлению после травм. Лиа присела рядом, отодвинув стопку старых журналов.

— Мне нужно опять прийти в зал.

— Зачем?

— Чтобы не бояться идти по улице.

Марк закрыл книгу пальцем.

— Ты будешь бояться. Тренировка это не отменяет.

— Спасибо за рекламу.

— Я могу помочь тебе чувствовать тело. Могу научить не падать от первого толчка. Но я не умею делать так, чтобы машины не останавливались возле тротуара.

Она обняла колени.

— Я знаю.

— Ты всегда говоришь, что знаешь. А потом ждёшь от себя, что окажешься быстрее пули.

Лиа посмотрела на ряд книжных корешков. Один был заклеен прозрачной лентой, под ней застрял волос. Анна терпеть не могла, когда книги так ремонтировали.

— Я хотела подойти к официанту.

— Ты мне рассказывала.

— Не подошла.

Марк сел ближе, не касаясь её.

— Ты вытащила женщину и ребёнка за машину.

— И что?

— Это два человека, Лиа.

Она помолчала.

— А остальных три фамилии написали без всего. Просто «прохожие».

Марк кивнул. У него тоже не нашлось ответа.

Они сидели между полками, пока библиотекарь не попросила освободить проход. Когда поднимались, он протянул ей ладонь раскрытой вверх. Решение взять её оставалось за Лиа.

Она взяла.

Глава 7. Девушка у прачечной

Лиа увидела сначала ладонь. Она лежала на мокром асфальте между двумя мусорными баками, пальцами вверх, как будто кто-то ждал сдачу.

— Марк.

Он шёл впереди, рассуждая о сломанном отоплении в реабилитационном центре. Обернулся на её голос и сразу замолчал.

Девушка сидела у стены прачечной. На ней была светлая куртка с оторванной нижней кнопкой. Одну ногу она подогнула под себя; другая вытянулась поперёк узкого прохода. Возле колена темнела лужа, которую дождь не успевал размывать.

Лиа опустилась рядом.

— Вы меня слышите?

Девушка открыла глаза. Лицо было совсем молодым, с маленькой родинкой у ноздри. На реснице держалась капля воды. Она попыталась отстраниться, но голова ударилась о стену.

Марк уже говорил в телефон. Назвал улицу, прачечную, повторил, что человек в сознании. Голос у него стал ровным и незнакомым.

— Сейчас помогут, — сказала Лиа. — Меня зовут Лиа.

Девушка смотрела на неё так, что захотелось оглянуться.

— Нет, — выдохнула она.

— Что нет?

Она подняла дрожащую руку и коснулась Лиа за рукав. Сжала неожиданно крепко.

— Ты…

Марк снял куртку. Лиа видела, как он делает всё, чему его учили, и понимала по напряжению челюсти: он боится не меньше неё. Девушка повернула голову к нему, потом опять к Лиа.

— Уходи.

— Нет. Мы дождёмся скорой.

— Уходи, дура.

Она сказала это без злости. Почти ласково. Из кармана её куртки выпал кусочек цветного стекла, осколок с гладкими краями. Лиа машинально подняла его, чтобы девушка не порезалась.

— Они ищут, — прошептала та. — Не бумагу. Тебя.

Лиа замерла.

— Кто?

С улицы донёсся звук тормозов. Девушка вздрогнула всем телом, впилась в её руку ногтями.

— Девочку из пожара.

На секунду Лиа перестала чувствовать асфальт под коленями.

Марк посмотрел на неё. Он услышал.

— Как вас зовут? — спросила Лиа.

Губы девушки шевельнулись.

— Лена.

— Лена, посмотри на меня. Откуда ты…

— Лиа, потом, — резко сказал Марк.

Она отдёрнула голову, как от пощёчины. Впервые заметила, что девушка больше не держит её за рукав. Её взгляд ушёл мимо них, к тёмным стёклам прачечной. За стеклом вращался освещённый барабан с чьими-то полотенцами. Он продолжал вращаться с бесстыдным домашним спокойствием.

— Лена, — сказал Марк. — Не закрывай глаза.

Лиа накрыла холодную ладонь своей.

— Я здесь.

Она говорила это, пока не подъехала скорая. Потом повторила, когда медик попросил отодвинуться. У Лены отстегнули воротник, рядом открыли сумку, появилась кислородная маска. Один из медиков спросил, кем они ей приходятся.

— Мы нашли её, — ответил Марк.

Лиа хотела сказать, что это неправда. Нашла их именно Лена. Точнее, знала, кого должна найти, но не успела.

Спросить об этом ей уже не дали.

На носилках девушка выглядела меньше. Из-под одеяла торчал носок с красной полоской. Лиа увидела, что на одном кроссовке нет шнурка. Почему-то эта подробность вызвала злость, которую не получалось направить ни на кого.

— Пальцы разожми, — сказал Марк.

Она разжала. На ладони лежал стеклянный лепесток, синий по краям и почти бесцветный в середине. Внутри него застрял маленький пузырёк воздуха.

Марк смотрел на стекло.

— Это надо отдать полиции.

— Я знаю.

— Сейчас, Лиа.

Она кивнула.

У ворот прачечной стояла машина с потушенными фарами. Водитель курил при открытом окне. Марк увидел её одновременно с Лиа и взял подругу за локоть.

— Смотрим вперёд. Идём к свету.

Они дошли до ближайшей заправки. Там пахло подогретыми сосисками и моющим средством. Молодой кассир посмотрел на их руки и перестал жевать.

Марк позвонил отцу.

Лиа стояла у кофейного автомата. На запястье остались четыре неглубокие царапины. Из них уже не шла кровь, но ей казалось, что хватка Лены ещё держит рукав.

Когда шериф ответил, Марк произнёс:

— Пап, нам нужна помощь. И на этот раз ты должен рассказать ей всё, что знаешь.

Глава 8. Лена Рук

В больничном коридоре было слишком много часов. Одни висели над стойкой, другие — у двери ординаторской, третьи Лиа видела на руке Марка. Все показывали разное время.

Марк принёс ей стакан воды и сел рядом.

— Ты можешь поехать домой.

— А ты?

— Останусь.

— Тогда и я.

Через двадцать минут появилась Вера Блейк. За ней шёл Дэниел. Они успели поссориться: это было видно по тому, как шериф придержал дверь и как Вера нарочно прошла мимо, не поблагодарив.

Лиа отдала ей стеклянный лепесток.

Вера не стала делать замечаний, что она подняла чужую вещь. Спросила, где именно он лежал, во что девушка была одета, какие слова произнесла. Лиа повторила всё, включая ругательство.

Шериф сел напротив.

— Кто-нибудь ещё был рядом?

Марк рассказал о машине.

— Номер?

— Я не разглядел.

Дэниел открыл рот и закрыл. Лиа поняла, что сын заметил этот жест.

— Да, пап, — сказал Марк. — Я не разглядел. Там умирал человек.

Вера посмотрела на шерифа.

— У прачечной есть камеры. Я уже отправила людей.

Дверь в конце коридора открылась.

Лиа поднялась раньше врача. На его лице не было выражения, которым показывают хорошие новости. В детстве она научилась замечать это быстрее слов.

— Вы родственники Елены Рук?

Никто не ответил.

— Мы её нашли, — сказал Марк.

Врач кивнул, как будто ему приходилось слышать этот ответ достаточно часто.

Лена умерла за несколько минут до их разговора.

Лиа слушала объяснение и смотрела на рукав его халата. На ткани прилипла тёмная нитка. Ей хотелось снять эту нитку, потому что иначе пришлось бы понять то, что врач уже сказал.

Дэниел коснулся её плеча. Она отступила.

— Не надо.

Он убрал руку.

Марк отвёл её к окну. Снаружи дворник собирал мокрые листья в пакет. Пакет всё время падал, и дворник прижимал его ногой. В больнице случилась чья-то окончательная беда, а во дворе человеку не давался обычный пакет.

— Она знала, кто я, — сказала Лиа.

— Мы разберёмся.

— Не говори так. Я это слышала четырнадцать лет.

Марк долго молчал.

— Хорошо. Мы пока не знаем, что делать. Но ты сейчас не уйдёшь искать ответы одна.

Она упёрлась лбом в холодное стекло.

Вера вернулась к ним без шерифа.

— Девятнадцать лет. Работала курьером, нерегулярно. Мать живёт за городом. Мы связались.

— Она делала витражи? — спросила Лиа.

Следовательница удивилась.

— Почему вы так решили?

— Стекло. Оно обработано. У моей мамы в мастерской есть похожие кусочки для обложек.

Вера записала.

— Спасибо. Это важно.

Лиа наконец оторвалась от окна.

— А то, что она сказала про пожар, тоже важно?

— Да.

— Вы знаете, какой?

Вера не стала смотреть на Дэниела, хотя тот стоял в другом конце коридора.

— Теперь знаю.

Лиа почувствовала, как Марк сжал ей пальцы. Не удержал — напомнил, что находится рядом.

— Я хочу видеть дело, — сказала она.

— Вы увидите всё, что я смогу вам показать, не повредив расследованию.

— Удобная оговорка.

— Неприятная, — поправила Вера. — Для меня тоже. Но я не стану обещать вам то, чего не могу выполнить.

Лиа кивнула. Вера заслужила хотя бы этот маленький кивок.

Потом приехала мать Лены.

Невысокая женщина в расстёгнутом пуховике прижимала к себе женскую сумку. Из сумки торчал хлеб. Она не успела оставить его дома. Вера шагнула ей навстречу, а женщина увидела её и остановилась так резко, будто наткнулась на стену.

Лиа узнала этот момент.

Узнала паузу между надеждой и знанием. Движение глаз, когда человек ещё выбирает, кому поверить: лицу другого человека или тому страшному, что уже понял сам.

Женщина спросила:

— Она успела что-нибудь сказать?

Вера посмотрела на Лиа.

Лиа сделала шаг вперёд.

Она могла рассказать про огонь, про поиски, про своё имя. Но всё это принадлежало живым. Женщине с хлебом в сумке было нужно другое.

— Мы были с ней, — сказала Лиа. — Она не была одна.

Мать Лены закрыла глаза. Потом протянула руку, и Лиа взяла её.

Домой Марк отвёз подругу уже ночью. У Морозовых горел свет в кухне. Анна открыла дверь до звонка, посмотрела на дочь и ничего не спросила.

Павел поставил чайник.

Лиа села за стол, положила голову на руки и заплакала так, как не позволяла себе у больничного окна. Анна опустилась рядом на пол, хотя коленям после работы это давалось плохо. Сидела, пока дочь не смогла дышать ровнее.

— Её звали Лена, — сказала Лиа.

— Расскажи мне о ней.

— Я ничего не знаю.

— Тогда начни с этого.

Глава 9. Кофе вне расписания

Равелли встретился ей у книжного магазина в субботу. Лиа видела, как он вышел из машины, прежде чем он успел сделать вид, что это случайность.

— Вы и по выходным проверяете посещаемость? — спросила она.

Он закрыл дверь.

— По выходным я покупаю книги.

— Все остальные обычно сначала заходят в магазин.

Равелли посмотрел на вывеску, потом на неё.

— Вы наблюдательны.

— Меня предупреждали о сомнительных достоинствах.

Ветер выдернул прядь из её косы. Лиа заправила волосы за ухо и почувствовала нелепое раздражение от того, что он заметил этот жест. На нём было простое тёмное пальто, но рядом с ним даже машина казалась подобранной под цвет.

— Я слышал о девушке у прачечной, — сказал он.

Лиа перестала улыбаться.

— Вы быстро слышите.

— Город небольшой.

— Для некоторых очень удобный размер.

Он помолчал.

— У вас есть пять минут?

— Для оценки?

— Нет.

Она посмотрела через улицу. В кофейне было людно, у окна сидела женщина с газетой и двое рабочих в строительных куртках. Лиа отправила Марку короткое сообщение и убрала телефон, не пряча движения.

Равелли заметил.

— Разумно, — сказал он.

— Какое облегчение, что вы одобряете.

Они сели у окна. Лиа выбрала стул ближе к проходу. Заказывать себе позволила только воду; его предложение кофе звучало слишком похоже на маленькую уступку, которую потом могут назвать договорённостью.

Он расстегнул пальто. Тёмные волосы опять торчали над лбом. На левом запястье виднелся след от часов, хотя самих часов не было. Равелли оказался человеком с усталыми глазами, а не неподвижной картинкой с университетского сайта. Лиа не хотела этого замечать.

— Если к вам будут обращаться люди, представляющиеся от моего фонда, проверяйте имена в секретариате.

— Кто-то уже обращался?

— Не ко всем сотрудникам относятся одинаково добросовестно.

— Это предупреждение или реклама вашей добросовестности?

Он провёл ладонью по столу, убирая каплю воды.

— Предупреждение.

— Мне девятнадцатилетняя девушка уже дала одно. Её сегодня хоронят.

Пальцы Равелли остановились.

— Елена Рук.

— Вы её знали.

Это прозвучало утверждением.

— Она выполняла работу для людей, которых я знаю.

— Вы преподаёте точность формулировок?

— Иногда она сохраняет жизнь.

— Лене не сохранила.

Официантка поставила перед ними воду и кофе. Равелли поблагодарил, подвинул чашку, дождался, пока она уйдёт. Его внимание к таким мелочам было почти оскорбительным: он умел беречь чужую работу, пока речь не касалась чужой жизни.

— Не ищите тех людей, — сказал он.

— Вы не знаете, кого я ищу.

— Вы считаете, что знаете больше, чем остальные. Иногда это правда. Но вы не знаете, кто ещё смотрит на ту же дверь.

Лиа взяла стакан. Вода дрожала от того, как сильно она сжимала стекло.

— Мне надоело, что мужчины старше меня объясняют, почему я должна молчать.

— А мне неинтересно ваше молчание.

Он сказал это негромко. Лиа почувствовала, как её лицо теплеет, и разозлилась на собственное тело. Опасность не делала человека менее красивым. Красота не делала его безопаснее. Она знала обе вещи, но между знанием и мгновенным откликом оставалось слишком мало времени.

— Тогда что вам интересно?

Он посмотрел ей в глаза.

— Почему вы каждый разговор превращаете в попытку отвоевать себе место.

Лиа поставила стакан.

— Потому что некоторые люди входят в комнату, как будто она уже их.

— И вы думаете, что громкость это изменит?

— Я думаю, что если вы хотите провести со мной воспитательную беседу, вам придётся хотя бы не опаздывать на четырнадцать лет.

Она поняла свою ошибку по его лицу. Почти ничего не изменилось: он не приподнял брови, не переспросил. Просто взгляд стал неподвижнее.

Лиа поднялась.

— Пять минут закончились.

Он не удержал её. Не взял за руку, не закрыл проход. Именно это она потом будет вспоминать с особенной злостью: как легко ему давались правильные движения, когда он ещё выбирал их делать.

У дверей Лиа обернулась.

— Вы знали её имя. Надеюсь, остальные тоже запомните.

На улице начался дождь. Марк стоял у книжного под чужим красным зонтом.

— Где ты его взял?

— Одолжил у Нессы. Она сказала, если потеряю, придётся жениться.

— Ты мог не приезжать.

— Мог, — согласился он и подвинул зонт так, чтобы закрыть ей голову. — Расскажешь по дороге?

Она кивнула.

Из окна кофейни Равелли смотрел, как они уходят. Лиа не обернулась ещё раз, хотя желание было почти болезненным.

Глава 10. Страница без номера

На похороны Лены Лиа пошла одна, но у кладбищенских ворот обнаружила Нессу и Тима. Несса держала четыре гвоздики в бумаге. Тим пришёл без камеры.

— Я не собиралась вас звать, — сказала Лиа.

— Ты и не звала, — ответила Несса.

Они стояли под старой елью, пока работник кладбища объяснял женщине с хлебной сумкой, где можно будет поставить памятник. Сегодня хлеба не было; женщина сжимала маленький пакет с вещами дочери. Лиа узнала кроссовок без шнурка.

На прощании почти никто не говорил. Один высокий парень рассказал, что Лена любила синие стёкла и спорила, что море зимой красивее. Потом забыл, чем собирался закончить, и отошёл к дереву.

Лиа положила цветок на мокрую землю. Ей нечего было добавить. Она знала последние слова Лены, но не имела права делать из них всю её жизнь.

Мать девушки остановила их уже у ворот.

— Вы Лиа?

Лиа кивнула.

— Она рисовала вас.

Несса повернула голову.

Женщина полезла в сумку, достала сложенный лист. На нём, быстрыми карандашными линиями, было набросано лицо девочки с длинными волосами. Лиа не узнала бы себя сразу. Ей стало холодно только от маленькой подробности: цветочная пряжка на туфле возле нижнего края рисунка.

— Откуда это?

— Не знаю. Нашла в её блокноте. Лена говорила, хочет найти человека. Я думала, подругу какую-нибудь, со старой работы.

Лиа взяла лист за край.

— Можно я покажу его следователю?

Женщина пожала плечами.

— Покажите. Только потом верните. У меня не так много её рисунков.

Лиа пообещала.

За кладбищем они долго стояли втроём, не раскрывая зонт. Тим первым произнёс:

— Мы должны понимать, во что попали.

— Вы ни во что не попали.

Несса выдернула у Лиа из руки зонт и всё-таки раскрыла.

— Мы с тобой под одними столами лежали, если ты забыла. Не рассказывай мне, где я нахожусь.

Лиа посмотрела на них. На правой брови Тима заживала тонкая розовая линия. Несса надела свои самые дешёвые ботинки, потому что на кладбище была грязь. Люди пришли проститься с незнакомой девушкой и теперь ждали, чтобы подруга перестала считать их детьми.

— Поехали к Марку, — сказала она.

В квартире над закрытой ремонтной мастерской пахло кофе и свежим деревом. Марк снимал её третий месяц и пока не успел купить диван. На двух ящиках лежала доска, которую он называл журнальным столиком. Из комнаты доносилась музыка с тихого радио; ведущий обсуждал футбольный матч.

Лиа положила рисунок на доску.

— Это я. В семь лет.

Несса села прямо на пол. Тим прислонился к стене.

Лиа рассказала про Вальери. Про огонь, Розу, трубу под дорогой. Про то, что Морозовы не знали, как снять с неё мокрый кардиган: она начинала кричать, когда подходили к узлу на груди. Про тетрадь с фамилиями. Марк слушал молча. Некоторые вещи даже он слышал впервые.

— Почему ты не говорила? — спросила Несса.

— Я не знала, как начать.

— Можно было с «мне плохо».

Лиа опустила глаза.

Тим взял рисунок, стараясь не касаться карандашных линий.

— Здесь она подписала что-то снизу. Видишь?

У самого края листа стояли две буквы и цифра. Не шифр из приключенческой книги: скорее пометка художника, чтобы не потерять нужное изображение.

Лиа сфотографировала рисунок и отправила Вере. Через десять минут следовательница перезвонила.

— Это похоже на часть маркировки материалов из муниципального архива. Не хочу гадать. Завтра посмотрим оригинал.

— Она могла найти там мои фотографии?

— Могла. Существовали газетные снимки семьи. Сам по себе рисунок не доказывает, кто ещё их искал.

После звонка Марк убрал кофе со стола.

— Мы не едем туда сегодня ночью.

Лиа подняла голову.

— Я не предлагала.

— Я говорю на случай, если предложение придёт позже.

Несса кивнула.

— И я хочу, чтобы ты Анне рассказала хотя бы часть. Она ждала тебя после Рыночной у окна. Я видела, когда мы ехали мимо.

— Не надо принимать решения за меня.

— Тогда начни принимать такие, в которых мы существуем не после твоих планов, а вместе с ними.

Лиа рассердилась. Потом услышала, как за стеной смеётся ребёнок соседей, и злость почему-то стала невыносимо детской. Она сидела в комнате друзей и требовала, чтобы её защищали от заботы.

— Хорошо, — сказала она. — Я попробую.

Это было маленькое обещание. Она уже знала, что его может оказаться труднее сдержать, чем большое.

На следующий день Вера встретилась с ней в читальном зале. Принесла две чашки кофе из автомата и тонкую папку. Сказала, что рисунок Лены действительно связан с архивной описью, которую та просматривала незадолго до смерти.

— Мы работаем с её бумагами. Я не могу раздать вам материалы дела. Но вот эта страница есть и в открытом фонде.

Она положила перед Лиа ксерокопию страницы старой портовой описи. Суммы, сокращения, длинная строка мелкого текста. Фамилия Бертоне стояла в графе владельца склада. Дата предшествовала пожару на четыре дня.

— Не делайте из даты вывод, которого пока не подтверждают другие данные, — сказала Вера.

Лиа смотрела на клеточки. Тридцать восемь тысяч за хранение груза. Ещё одна сумма, вписанная от руки. Подпись служащего, который, возможно, всю жизнь подписывал такие бумаги и не знал, что именно за ними спрятано.

— Почему вы показываете мне это?

— Потому что вы всё равно найдёте копию. Лучше, если рядом будет человек, который скажет, чего она не доказывает.

Лиа прочла ещё раз.

— Она это искала.

— Да. Больше мы пока не знаем.

Вера не показала ей остальную папку. Лиа заставила себя не спрашивать второй раз. Сложила ксерокопию пополам и убрала между листами курсовой. Вечером оставила учебные бумаги на кухне, потому что Анна попросила освободить стол от переплётов, а она вызвалась помочь.

Потом они вдвоём вклеивали в энциклопедию заново нарисованную бабочку. Анна придерживала тонкую бумагу за два угла, Лиа разглаживала её через чистый лист. Это заняло почти час. Ни один склад в городе от этого не перестал принадлежать Бертоне. Но одну испорченную вещь им удалось исправить.

Глава 11. Там, где стоял рояль

От дома Вальери осталась часть лестницы и два столба ворот. Всё остальное годами забирали дождь, растения и люди, которым требовался дешёвый кирпич.

Лиа приехала туда после разговора с Верой. Не ночью и не одна: Марк сам сел за руль, а она перестала доказывать, что в состоянии справиться без него. Было начало октября. Трава за воротами стояла по колено, в каменных трещинах росла молодая берёза.

— Я здесь давно не был, — сказал Марк.

— Ты здесь вообще был?

— С отцом. Он иногда приезжал.

Она посмотрела на него.

— Зачем?

— Не знаю. Он не всё рассказывал и мне.

Они вошли через место, где не хватало ограды. Дорога к дому сохранилась лучше самого дома. Лиа узнала поворот к теплице и остановилась. В памяти там всегда был летний вечер: мать в светлом платье, отец с трубкой садового шланга, Роза сердится, что дети затоптали рассаду. На самом деле после них прошло четырнадцать зим. Участок не обязан был хранить чужую погоду.

— Здесь кухня, — сказала Лиа, показывая на заросший прямоугольник. — А там большой зал.

Марк ничего не уточнял. Он умел идти рядом так, чтобы его присутствие не требовало объяснений.

Рояль стоял у дальней стены. Лиа несколько раз подходила к этому месту в своих снах, но сейчас не была уверена, что помнит правильно. Основание стены заросло ежевикой. Она нашла под ногой кусочек плитки с зелёной прожилкой и подняла.

— Дядя учил меня педаль нажимать.

— Виктор?

Она кивнула.

— Все потом писали, что он пытался нас спасти. А у меня в голове он только повторяет про ворота. Я помню, что любила его. Он приносил мне засахаренные орехи. Мама ругалась, потому что до обеда нельзя сладкое.

Она провела пальцем по зелёной прожилке.

— Иногда мне кажется, что предатели должны выглядеть иначе. Чтобы ребёнок мог понять.

Марк присел рядом.

— Дети не должны это понимать.

Сквозь пролом в стене виднелся овраг. Там начинался ручей. Лиа долго смотрела туда, потом положила плитку обратно. Если забирать из этого места что-нибудь при каждом приезде, оно постепенно окажется в жестяной коробке под её кроватью. Легче от этого не становилось.

На обратном пути они встретили старика с собакой. Он остановился возле ворот, снял шапку, хотя прохладный ветер тут же взъерошил ему редкие волосы.

— Частная территория, — сказал он без уверенности.

— Мы уже уходим, — ответил Марк.

Старик посмотрел на Лиа. Она почувствовала, как сжалась кожа на затылке.

— Вы кого-то знали здесь? — спросила она.

Он перевёл взгляд на собаку.

— Сестра у меня работала. Роза.

Марк выпрямился.

Лиа не сразу смогла ответить.

Старик держал поводок в руке с кривыми пальцами. Собака ткнулась носом ему в колено. Он погладил её, потом посмотрел на дом.

— Всё езжу. Жена говорит, хватит. А я думаю: у человека же место должно остаться.

Лиа сглотнула.

— Она спасла девочку.

— Знаю.

— Вы знаете, что девочка выжила?

Он поднял глаза.

— Шериф приезжал. Сказал. Мне тогда очень нужно было, чтобы хоть кто-нибудь выжил.

Лиа сделала шаг к нему и остановилась. Нельзя было положить на незнакомого человека четырнадцать лет благодарности и ждать, что он выдержит.

— Меня зовут Лиа, — сказала она.

Старик долго смотрел на неё. Потом его рот дрогнул.

— У Розы фотографии были. Ты на них маленькая.

Она кивнула, и он вдруг неловко обнял её одной рукой, всё ещё держа поводок другой. От пальто пахло табаком, собакой и дождём. Лиа уткнулась лбом ему в плечо.

— Я не сказала ей спасибо.

Старик погладил её по спине.

— Она не за этим полезла туда.

Потом они постояли втроём. Марк записал телефон; старика звали Борис. Он пообещал найти фотографии, когда вернётся домой. Ничего не спросил о туфле, деньгах или преступниках. Перед уходом сказал только, что сестра терпеть не могла холод, хотя всем раздавала свои кофты.

В машине Лиа долго держала ладони на коленях.

— Я всё время думаю, кто виноват, — сказала она. — И почти не знаю, кто был рядом.

Марк завёл двигатель, но не тронулся.

— Можно узнавать и это тоже.

Она посмотрела на ворота. Борис шёл вдоль ограды, осторожно выбирая место, где не было грязи. Собака тянула его вперёд.

— Можно, — ответила Лиа.

Глава 12. Урок об отказе

В четверг Равелли предложил им отказаться от задания.

Не пропустить. Не спорить об условиях. Произнести вслух короткое «нет» и выдержать реакцию человека напротив.

— Это не театральная студия, — заметил парень с заднего ряда.

— Поэтому попробуйте без театра.

Задание выглядело нелепо. Люди краснели, смеялись, объясняли, почему именно не могут одолжить конспект, занять деньги, выйти в чужую смену. Равелли каждый раз останавливал их на первой фразе.

— Объяснение не всегда приглашение к обсуждению, — говорил он. — Но иногда именно так его и услышат.

Лиа смотрела, как он ходит между рядами. После субботней встречи она успела убедить себя, что больше не будет замечать его рук, голоса, мгновенного внимания. Не замечать оказалось отдельной работой.

— Морозова, — позвал он. — Со мной.

Несса положила ладонь на край её тетради. Лиа поднялась.

Равелли встал у кафедры, оставляя между ними расстояние в два шага.

— Я прошу вас задержаться после занятия.

— Нет.

— Это займёт десять минут.

— Нет.

— От этого зависит ваша итоговая работа.

Лиа скрестила руки.

— Тогда я попрошу зафиксировать ваше требование письменно.

По аудитории прокатился смешок.

На этот раз улыбнулся и он.

— Хорошо. Поменяем обстоятельства. От вас зависит чужой результат.

— Чей?

— Вы хотите уточнить, кто именно пострадает, прежде чем отказать?

— Я хочу понять, почему вы подменили просьбу угрозой.

Его улыбка исчезла постепенно, словно он убрал со стола лишний предмет.

— Тогда назовите границу.

— Не используйте людей, которых я люблю, чтобы получить от меня ответ.

Она сказала это слишком тихо, но услышали все.

Равелли кивнул.

— На сегодня достаточно.

После пары он не стал задерживать её. Лиа собрала вещи и вышла вместе с Нессой, сохраняя ровный шаг до самой лестницы. Там подруга остановилась.

— Что случилось между вами?

— Он учит нас разговаривать.

— У тебя лицо человека, которому только что показали, где у него болит.

Лиа прислонилась к стене.

— Я не знаю, почему он смотрит на меня так.

— А ты хочешь, чтобы он перестал?

Ответ задержался.

Это оказалось самым стыдным. Она хотела, чтобы он перестал знать, где её найти, но не хотела перестать замечать его в коридоре. Хотела выиграть у него спор и слышать, как он произносит её имя. Такие желания не укладывались в аккуратные категории, которым её учили.

— Я хочу, чтобы это было просто занятие, — сказала она.

Несса кивнула.

— Тогда с этого и начни. Тебе не нужно объяснять ему, почему.

У шкафчиков Лиа ждала женщина с короткими тёмными волосами. Дорогие ботинки оказались испачканы по самый край.

— Марианна Равелли, — представилась она. — Мы пересекались в коридоре.

— Я помню.

— Я просматриваю ваши заявки на архивную практику. Вы работали с материалами старого порта?

Несса осталась рядом. Марианна это заметила, но не попросила её уйти.

— Для курсовой, — ответила Лиа.

— Если попадутся записи с названием «Книга приливов», не выносите их из фонда. Это часть спорной частной коллекции.

Лиа почувствовала, как неприятно похолодело внутри.

— Меня предупреждают о краже?

— Вас предупреждают о том, что некоторые бумаги плохо различают владельцев и свидетелей.

— У вас в семье все разговаривают так, будто за обычные слова берут доплату?

Марианна посмотрела на неё внимательнее. Лиа увидела сходство с братом в глазах, хотя цвет был другой: такой же долгий взгляд без спешки.

— Если обычное слово может помочь, — сказала Марианна, — держитесь подальше.

Она ушла к административному крылу.

Несса выдохнула.

— Вот теперь мне совсем не нравятся её ботинки.

Лиа достала телефон и написала Вере название книги.

Ответ пришёл через сорок минут: «Не ищите самостоятельно. Поговорим завтра».

Слова были разумными. На этот раз Лиа даже собиралась их послушать.

Глава 13. Последняя остановка

В пятницу днём Тим позвонил ей с чужого телефона.

— Не пугайся сразу, — сказал он.

После таких начал Лиа всегда пугалась.

Они с Нессой были на площадке бывшего трамвайного депо. Колледж арендовал там мастерские для выставки студенческих работ; Тим снимал монтаж, Несса помогала со светом. Днём на площадке находились преподаватели и рабочие. К вечеру часть дверей закрыли, а к корпусу, где они оставили вещи, перестали пускать.

— Говорят, нашли опасные предметы, — объяснил Тим. — Только охрана не наша. Я позвонил координатору — она ничего не знает.

— Где ваши телефоны?

— В рюкзаке за дверью. Я попросил позвонить у водителя. Несса со мной.

На заднем плане она услышала подругу:

— Скажи ей, чтобы не приезжала. Мы сейчас выйдем к остановке.

Лиа уже искала ключи.

— Идите к дороге. Не спорьте с ними. Я позвоню Вере.

Она позвонила. Вера не ответила; на служебном номере сказали, что следовательница на выезде. Лиа оставила сообщение, сообщила адрес и перезвонила Марку.

— Сиди на месте, — сказал он. — Я заберу тебя.

Она не села. Пока ждала машину, ходила по тротуару от фонаря к пустой велосипедной стойке. Вечер был слишком тёплым для конца октября. У кафе распахнули дверь; оттуда пахло корицей и чем-то подгоревшим.

Тим больше не отвечал по чужому номеру.

Марк приехал через восемь минут.

— Мы не пойдём внутрь, — сказал он, прежде чем Лиа успела открыть дверь. — Сначала найдём их снаружи.

Она кивнула.

К депо вела дорога мимо складов. Трамваи перестали ходить двадцать лет назад, но рельсы не сняли: рабочим было удобнее засыпать их асфальтом. Иногда после дождя колёса машин попадали в вымытые углубления, и водители ругались на мэра, которого тогда ещё не выбрали.

У ворот стоял Тим. Рюкзака на нём не было, очки он держал в руке. Несса сидела на низком бетонном ограждении и растирала запястье.

Лиа выскочила из машины.

— Что случилось?

Несса поднялась.

— Один человек спросил, кто дал Тиму лист с рисунком. Мы ничего не давали. Он сказал, что видел фотографию в нашем телефоне.

— Откуда?

— Вот и я спросила. Он схватил меня за руку. Тим полез между нами.

У Тима была рассечена губа.

Марк посмотрел на ворота, потом на Лиа.

— В машину. Все.

Из сторожки вышел мужчина. Лиа узнала его: неприметная куртка, тяжёлая походка, тот самый человек, который стоял рядом с Равелли на Рыночной.

— Вы рано уезжаете, — сказал он.

— Вы ударили моего друга, — ответила Лиа.

— Ваш друг пытался проникнуть на закрытый объект.

— У меня пропуск, — сказал Тим. — Он у вас в руках.

Мужчина посмотрел на него с таким равнодушием, что Лиа поняла: он не собирается поддерживать даже видимость спора.

Марк отвёл Нессу к машине. Второй человек появился у пассажирской дверцы. Третий стоял возле сторожки. Их было не так много, чтобы улица выглядела занятой, и достаточно, чтобы она перестала быть улицей.

Лиа достала телефон.

— Не надо, — сказал мужчина в куртке. — Давайте не будем делать неприятнее.

— Кому?

В ответ он назвал адрес мастерской, где работал отец Тима.

У Лиа зашумело в ушах.

Марк сделал шаг вперёд.

— Мой отец шериф округа. Вы это знаете?

— Знаем.

От короткого ответа стало особенно страшно.

Мужчина не повышал голоса. Предложил пройти в помещение, где их ждёт человек, способный объяснить недоразумение. Лиа посмотрела на друзей. Несса больше не растирала запястье. Тим стоял совершенно прямо, с очками в ладони; одна дужка была согнута.

— Я пойду, — сказала Лиа. — Они уедут.

— Нет, — сразу ответил Марк.

Мужчина в куртке перевёл взгляд с него на Лиа и как будто принял какое-то внутреннее решение.

— Внутрь пройдут все.

Марк успел отправить отцу короткое сообщение. Лиа увидела, как большой палец нажал на экран, прежде чем человек у машины выхватил у него телефон.

Потом их провели через ворота.

В павильоне пахло старой пылью и новой краской. Студенты развесили фотографии на временных перегородках. На одной из них была Рыночная после дождя, ещё до стрельбы: открытые зонты, продавец цветов и пожилая женщина, выбирающая помидоры. Тим остановился на полшага, увидев собственный снимок.

Его толкнули в спину.

Лиа запомнила это движение гораздо отчётливее, чем оружие, которое заметила у другого охранника. Человека заставили пройти мимо своего труда, согнувшись от чужой руки.

За последней перегородкой горел свет.

Адриан Равелли стоял у длинного рабочего стола. В руках у него была фотография рисунка Лены.

— Отпустите их, — сказала Лиа.

Он поднял голову.

— Сначала поговорим, Элиана.

Всё, что она успела придумать по дороге, стало бесполезным.

Глава 14. Ответ, который у неё отняли

Первым отозвался Тим.

— Вы не имеете права.

Он сказал это негромко, почти удивлённо. Студенческая фраза, произнесённая в помещении, где она уже ничего не останавливала. Лиа услышала в ней всё, чему их учили в колледже: правила, процедуры, человека, которому можно пожаловаться. Захотелось вернуть Тима туда, где такие слова были полезны.

Равелли положил фотографию на стол.

— Я не собираюсь причинять им вред, если вы будете разумны.

Лиа посмотрела ему в глаза.

— Это вы вчера преподавали отказ?

Марк шагнул к ней, но мужчина в куртке остановил его ладонью в грудь.

— Я разговариваю с вами, — сказал Равелли Лиа.

— А я хочу, чтобы вы сказали при всех. Что именно вы хотите от меня получить, угрожая моим друзьям?

Он помолчал. На щеке у него шевельнулась мышца.

— Вы входите в дом Равелли. На моих условиях. Перестаёте искать людей без моего ведома. Всё, что вам известно о документах Вальери, передаёте мне.

Несса резко вдохнула.

Лиа почувствовала, как ногти впились в ладони.

— Я не вещь из архива.

— Именно поэтому я здесь лично.

— И вы считаете это проявлением уважения?

— Я считаю это единственным разговором, который ещё может закончиться спокойно.

Марк посмотрел на Равелли поверх руки охранника.

— Она никуда с вами не поедет.

Адриан перевёл на него взгляд. Лиа раньше видела, как он выбирает студента, который будет отвечать на следующем занятии. Сейчас движение оказалось таким же — спокойным, неторопливым. От сходства подступила тошнота.

— Уитлок, — произнёс он. — Вы привыкли, что фамилия вашего отца делает мир менее опасным.

— Не трогай его, — сказала Лиа.

Он вернулся к ней.

— Тогда ответьте.

За стеной что-то щёлкнуло. Наверное, остывала лампа в недоделанной студенческой инсталляции. Лиа подумала о Нессе, которая утром проверяла эти лампы и спорила с электриком. Подумала об Анне: мать ждёт её к ужину, в холодильнике стоит тесто. Подумала, что не сможет рассказать потом, в какой именно момент ей стало страшно настолько, что перестало хватать воздуха.

— Если я откажусь?

Равелли не отвёл глаз.

— Один из них не выйдет отсюда.

Несса выругалась. Тим дёрнулся, охранник вывернул ему руку за спину.

— Нет, Лиа, — сказал Марк. — Не слушай. Это не…

Он не успел закончить.

Равелли двинулся к нему так быстро, что Лиа поняла происходящее только по тому, как изменилась Маркова поза. Будто кто-то внезапно убрал из-под него пол. Он широко открыл глаза, попытался вдохнуть и опустил руку к боку.

В другой руке Адриана блеснул нож.

Лиа закричала.

Позже она будет помнить, что крик не оборвался сразу. Он продолжался, пока охранник отступал, пока Марк садился на пол, неловко подгибая ноги. Лиа бросилась к нему и упала на колени. Ударилась так сильно, что заболело бедро, но боли почти не почувствовала.

— Марк. Посмотри на меня. Марк!

Под его пальцами расползалось тёмное пятно. Он стиснул зубы и попытался сказать ей, что делать, но получилось только её имя.

Несса рвалась к ним. Лиа слышала, как подруга кричит на охранника, потом голос Тима — сорванный, злой, отчаянный. Всё звучало откуда-то из-за стекла.

Равелли стоял рядом.

На секунду Лиа увидела его ботинки возле Марковой ноги и захотела вцепиться ему в лицо. Захотела так сильно, что пальцы сами разжались. Но Марк застонал, и она вернула ладонь к его боку.

— Врача, — сказала она.

Адриан молчал.

— Позовите врача!

Марк поймал её свободную руку. На его лице выступила испарина.

— Не… — прошептал он.

Лиа наклонилась ниже.

— Не говори. Пожалуйста, не трать воздух.

Её коса упала ему на плечо. Он всегда убирал её волосы, когда они мешали на тренировке. Сейчас даже не поднял руку.

Лиа посмотрела на Равелли.

— Да.

У неё почти не было голоса.

— Скажите полностью.

Несса перестала кричать. В этой тишине Лиа услышала собственное дыхание: неровное, мокрое, чужое.

— Я поеду с вами. В ваш дом. Сделаю, что вы требуете. Только помогите ему.

Марк сжал ей пальцы с неожиданной силой.

Она не посмотрела на него. Если бы посмотрела, могла бы перестать держаться за ту единственную вещь, которая ещё казалась ей способом оставить его в живых.

Равелли повернул голову.

— Нору сюда. Сейчас.

Мужчина в куртке достал телефон.

— Вы могли позвать её раньше, — сказала Лиа.

Адриан посмотрел вниз. Карие глаза, по которым она две недели пыталась прочитать лишнее, больше не казались загадкой. Она видела человека, который имел возможность остановиться и не остановился.

— Могли, — повторила она.

Он не ответил.

Появилась женщина с медицинской сумкой. За ней вошла Марианна. Увидела кровь, остановилась в дверях и посмотрела на брата. В её лице не было удивления человека, впервые узнавшего о жестокости. Был ужас человека, увидевшего, что она снова получила разрешение.

— Отойди, — сказала врач Лиа. — Мне нужно место.

— Я могу держать…

— Ты помогла. Теперь дай помочь мне.

Лиа отодвинулась на полшага, не отпуская Маркову руку. Женщина коротко представилась Норой, задала ему вопрос, наклонилась ниже. Лиа смотрела на её пальцы с такой надеждой, что начинало сводить грудь.

У ворот завыла сирена.

Равелли сказал что-то мужчине в куртке. Лиа различила имя: Северин.

Марк повернул голову к звуку. Она провела ладонью по его мокрым волосам.

— Твой отец едет. Слышишь? Он уже здесь.

— Лиа…

— Я знаю.

Она не знала ничего.

На улице кто-то громко требовал открыть ворота. Нора велела принести носилки. Несса опустилась возле Марка с другой стороны; Тим стоял за её плечом, прижимая к губе край футболки.

Лиа поднялась, когда Равелли тронул её за локоть.

— Не прикасайтесь ко мне.

Он убрал руку. По собственному выбору, как тогда в кофейне. Лиа вдруг поняла, что будет помнить и это: насилие не лишало его способности соблюдать границы. Он соблюдал их тогда, когда хотел.

— Они выйдут? — спросила она.

— Да.

— Все трое.

— Все трое.

Она посмотрела на Нессу.

Подруга покачала головой. На её лице стояла не просьба успокоиться. Просьба остаться собой.

Лиа хотела пообещать. Не смогла.

Из павильона её вывели через боковую дверь. На улице стало холоднее. За оградой мигал синий свет; он отражался в мокрых рельсах и в закрытых окнах машины.

Прежде чем сесть, Лиа обернулась.

У последних ворот показался Дэниел. Она увидела, как он бежит к носилкам, как осекается на шаге, узнав сына. Между ними находились люди, металл, полоса света. Лиа не услышала, что он сказал.

Равелли открыл заднюю дверцу.

В машине пахло кожей и холодным кофе.

Она села, сложила на коленях испачканные руки и всю дорогу смотрела в окно, потому что не могла смотреть на человека рядом.

Часть вторая
Дом без выхода

Глава 15. Дом с освещёнными окнами

Пока машина поднималась от депо к северному шоссе, Лиа держала ладони раскрытыми. На правой засыхала кровь Марка. Она боялась согнуть пальцы, словно от этого могло измениться что-нибудь там, на мокром полу, где он остался рядом с ржавыми рельсами.

За перегородкой водитель включил обогрев. Тёплый воздух пах пылью. Адриан сидел напротив, придерживая телефон двумя пальцами; на тёмной манжете у него было маленькое пятно. Лиа смотрела только на это пятно. Из всех подробностей вечера оно казалось самой непереносимой: человек мог проткнуть другого человека и всё-таки досадовать на испорченную рубашку.

— Скорая приехала? — спросила она.

Он поднял глаза.

— Уже везут.

— Откуда ты знаешь?

Адриан повернул экран. На фотографии были раскрытые двери медицинской машины, красная полоса на носилках, чья-то согнутая спина. Лица Марка видно не было. Лиа наклонилась, но он убрал телефон раньше, чем она успела различить номер на борту.

— Позвоню в больницу, как только его примут.

— Ты мог просто не бить его.

В машине работали дворники. За стеклом на мгновение возникало шоссе, затем вода опять делала его чужим.

— Мог, — сказал Адриан.

От этого короткого согласия ей сделалось хуже. Она хотела услышать оправдание, чтобы ненавидеть его за ложь, а получила признание выбора. Он не выглядел растерянным, не пытался перевязать собственную совесть. Только передвинул лежавшую между ними коробку салфеток.

Лиа не взяла ни одной.

За городом пахнуло морем: водитель ненадолго приоткрыл окно у будки охраны. Мокрые ветви тёрлись о железную ограду. Дом стоял выше дороги, и прежде она видела его из автобуса лишь крышей над соснами. Вблизи он оказался длинным, сложенным из светлого камня, с двумя разными крыльями. В старом окна были узкими, в новом стеклянная галерея связывала этажи. Над входом горела простая лампа. В её круге мужчина в форменном пальто придерживал дверь, как у дорогой гостиницы.

У Лиа перехватило дыхание. Она поняла, что ждала подвала и грубых рук. Освещённый холл с зонтиками в стойке предлагал ей усомниться в происходящем. Здесь кто-то утром получал газету, терял перчатку, жаловался, что ковёр выцвел у окна. И здесь ей предстояло остаться против воли.

— Выходи, — сказал Адриан.

Она вышла, потому что дверца с другой стороны не открывалась. На ступенях ноги внезапно ослабели. Он взял её за локоть; Лиа вырвалась так резко, что ударилась плечом о каменную колонну.

— Я дойду.

Внутри пахло лимонной полиролью и приготовленным мясом. Слева за неплотно закрытой дверью кто-то смеялся над телевизором. Смех оборвался при их появлении. Из глубины коридора вышла женщина с гладко убранными седыми волосами, в сером платье и туфлях, слишком лёгких для такого холодного пола.

— Эстер, — произнёс Адриан. — Комнату приготовили?

Женщина оглядела Лиа, остановилась на её ладонях.

— В синей протекает рама. Я велела отнести вещи в восточную.

Слово задело что-то в памяти, но след тут же исчез. Лиа услышала лишь собственное дыхание.

— У неё нет вещей, — сказал Адриан. — Утром разберёмся.

— У меня есть вещи, — ответила Лиа. — Дома.

Эстер приняла это с выражением человека, которому сообщили неверную температуру духовки.

— Пальто оставляют здесь. Обувь вам принесут домашнюю.

— Я уйду в своей.

— Сейчас нет, — произнёс Адриан.

Лиа посмотрела на вход. Мужчина у двери всё ещё стоял рядом с зонтиками, но теперь она видела, как он перенёс вес на другую ногу, перекрыв путь. Даже не пришлось подавать знак.

Телефон у неё забрали в холле. Лиа достала его сама, когда Адриан протянул руку, потому что воспоминание о Марке на полу сделало каждое движение охраны угрозой. Экран мигнул именем Анны: три пропущенных. Лиа успела увидеть только это. Потом чужая ладонь закрыла свет.

— Им скажут, что ты в безопасности.

— Это неправда.

— Скажут, что ты жива.

Она хотела ударить его. Не придумать, куда, не рассчитать последствий, просто оставить на его лице знак, который мешал бы ему спокойно смотреть. Но рядом был мужчина у двери, выше стояла лестница, а Марк ехал в больницу. Лиа поднялась наверх, держась подальше от протянутой руки.

Комната оказалась большой. Слишком большой, чтобы уснуть, свернувшись у стены и убедив себя, что это случайная ночь. На туалетном столике лежали новые расчёска и зубная щётка. На кровати — сложенная пижама без этикетки. Кто-то заранее решил, какого она роста, какую ткань сможет терпеть на коже, сколько подушек понадобится человеку, которому нельзя выйти.

Лиа подошла к окну. За ним был сад, тёмная полоса кустов и ровные огни вдоль забора. Ручка повернулась только на несколько градусов. Из щели потянуло солью.

— Для проветривания достаточно, — сказал Адриан у неё за спиной.

— А для падения недостаточно. Хорошая забота.

Он не ответил на насмешку. Поставил на стол стакан воды, будто принёс его сам, хотя Лиа видела поднос в руках служанки ещё у лестницы.

— Мне нужен фрагмент из бумаг Лены. И всё, что ты вспомнишь о доме Вальери.

Лиа почувствовала, как холодеет язык. Он впервые произнёс её настоящую фамилию здесь, среди чистого белья и воды, предназначенной для неё.

— Лена умерла.

— Я знаю.

— Ты умеешь говорить это очень удобно.

— Я не прошу тебя мне верить.

— Тогда зачем вся мебель?

Он посмотрел на кровать, словно только сейчас заметил её. На короткое мгновение лицо стало усталым. Лиа ухватилась за это невольно и тут же возненавидела себя: усталость была человеческой чертой, а ей требовалось, чтобы он оставался простым и понятным чудовищем.

— Ты останешься здесь, пока мы не договоримся, — произнёс он.

— Мы уже договорились. Ты не даёшь Марку умереть. Я сажусь в машину. Я села.

— Этого недостаточно.

Снизу донёсся глухой звон посуды. Там заканчивали ужин, переносили тарелки, вытирали стол. Лиа была уверена, что ещё вчера эти звуки показались бы ей успокаивающими.

— Запри дверь снаружи, — сказала она. — Хочу, чтобы мы правильно называли вещи.

Адриан задержался на пороге.

— Врач придёт проверить тебя.

— Проверь Марка.

Он ушёл. Замок щёлкнул негромко, почти деликатно.

Лиа стояла, пока шаги не исчезли. Потом дёрнула ручку, сначала один раз, проверяя, затем обеими руками. Дерево не дрогнуло. Она прислонилась лбом к двери и почувствовала запах лака. Теперь нужно было сделать что-нибудь, что принадлежало бы ей. Не думать о ножевой ране, которую она не умела оценить, не видеть серые глаза Марка, пока он пытался вдохнуть. Сделать простое.

Она пошла в ванную и включила воду. Горячая появилась сразу. На белом полотенце останутся чужие следы, решила Лиа, но кровь уже отходила от кожи тонкими розовыми нитями. Ей пришлось вцепиться в край раковины. Она отмывала Марка от своих рук, пока ещё не знала, будет ли у неё возможность снова взять его за руку.

***

Врач пришла через час. Невысокая женщина с тёмным пучком несла обычную сумку, на ремне которой расходился шов. Лиа узнала Нору, которая склонилась над Марком в депо; теперь можно было разглядеть и тёмные круги под её глазами. Врач попросила разрешения сесть. Лиа неожиданно растерялась от самой формы вопроса.

— Если откажу?

— Постою. Но разговор будет длиннее, а я сегодня много стояла.

Лиа указала на стул. Нора сначала спросила о боли, потом осмотрела ушибленное плечо. На слове «депо» её пальцы остановились, но она не стала изображать удивление.

Для записи потребовалось имя. Лиа замолчала, хотя вопрос был самым простым из всех. Полтора часа назад Адриан назвал её Вальери; фамилия прошла сквозь комнату, словно человек с ключом, которому не нужно стучать. Теперь врач ждала, держа ручку над бланком. Можно было сказать Элиана. Можно было вернуть семилетнюю девочку вместе с фамилией и заставить хотя бы одну постороннюю женщину услышать её правильно. Но Анна называла её Лиа, когда заплетала волосы перед школой. Марк кричал это имя через двор. Оно тоже прожило с ней настоящую жизнь.

— Лиа Морозова, — произнесла она.

Нора записала без уточнений. Спросила о дате рождения, аллергии, лекарствах, которые Лиа принимала в последний месяц. От обычных вопросов стало легче, и это облегчение раздражало. Человеку оказалось достаточно вернуть самую маленькую часть привычного порядка, чтобы он начал отвечать ровнее. Лиа спросила, кому будут показывать бланк.

— Это мои записи, — сказала Нора. — Ты можешь попросить копию.

— Сейчас?

Врач помедлила и достала второй лист. Переписала имя, жалобы, описание ушиба. Пока она писала, Лиа смотрела на кончик ручки. На бумаге возникала сегодняшняя дата. Значит, этот день больше не состоял только из депо и закрытой двери; у него появились слова, которые можно было сохранить отдельно от собственной испуганной памяти.

Нора отдала лист. Лиа сложила его вчетверо и спрятала в чехол для зубной щётки, который ещё не успела выбросить. Укрытие было нелепым и совсем ненадёжным. Но выбирать места для собственных вещей следовало начинать хотя бы с этого.

— Мне нужен телефон, — сказала Лиа.

— Я не могу его принести.

— Тогда зачем ты здесь?

Нора убрала из сумки тонометр.

— Чтобы ты не осталась без медицинской помощи. Это мало. Я понимаю.

Такая ограниченная честность действовала сильнее обещаний. Лиа позволила надеть манжету. Пока воздух сдавливал руку, спросила, в какой больнице Марк.

— В городской. Его оперируют. Рядом отец.

— Ты видела?

— Говорила с приёмным отделением. Больше пока ничего достоверного.

На столе стыла тарелка супа, принесённая вместе с Норой. Лиа заметила в нём кружок моркови и вдруг ощутила страшный голод, от которого стало стыдно. Марк лежал под ножом, а её тело хотело супа.

— Поешь, — произнесла Нора. — Его боль от этого не увеличится.

После её ухода Лиа съела несколько ложек. Тёплое прошло по горлу болезненно. Она заставила себя доесть и выпила воду, потому что если нужно будет бежать, тело понадобится целиком.

На дне тарелки обнаружилась маленькая трещина, почти незаметная под глазурью. Лиа провела по ней ногтем. Дома такую посуду Павел немедленно переводил в мастерскую, где она служила для винтов. Здесь тарелку оставили среди гостевых, потому что при правильном освещении повреждение не было видно. Она поставила её на поднос трещиной вверх. Мелкое, бессмысленное действие позволило на минуту перестать смотреть на дверь. Потом Лиа пересчитала предметы возле кровати и отодвинула стул так, чтобы ночью не споткнуться, если придётся быстро встать. Стул послушно проехал по ковру. Пока хотя бы вещи соглашались менять место от её рук.

За окном погасли садовые огни. В коридоре сменился человек: новые шаги были короче, с лёгким скрипом на каждом третьем. Лиа села на кровать в своей одежде. Пижама лежала рядом, аккуратно сложенная, как предложение согласиться на чужой порядок.

Около четырёх замок снова повернулся. Вошёл Адриан, остановился за креслом и сказал, что операция закончилась. Марк жив. Врачи пока не разрешают говорить о дальнейшем, но ближайшие часы он проведёт под наблюдением.

Лиа держала край матраса. Она хотела спросить ещё десяток вещей, однако из горла вышел единственный звук, короткий и некрасивый. Адриан сделал шаг к ней. Она выставила руку, и он остановился. Ей понадобилось несколько вдохов, чтобы вернуть себе голос.

— Когда сообщишь, что он поправляется, это тоже не будет твоей заслугой.

Он кивнул, будто согласился с ответом на семинаре. Именно это привычное движение позволило Лиа посмотреть на него прямо. В колледже она замечала его руки, сухой голос, способ слушать вопрос до конца. Всё это оставалось при нём. Теперь рядом с привычными чертами лежал другой факт, который невозможно было убрать: Марк дышал с помощью людей, исправлявших сделанное им.

Под утро Лиа всё-таки надела пижаму, замёрзнув, и долго смотрела на свои колени под голубой тканью.

Первый собственный выбор в этом доме оказался выбором между холодом и чужой рубашкой. Лиа запомнила это точно.

Глава 16. Место для белья

Утром Эстер принесла одежду сама. На спинку стула легли тёмные брюки, свитер, бельё в прозрачном пакете. Каждая вещь подходила по размеру, и от этого Лиа захотелось выбросить их в окно.

— Завтракают в восемь, — сказала Эстер. — Позже кухня убирается.

— Отсюда далеко до автобусной остановки?

Женщина разгладила рукав свитера.

— Ты понимаешь положение достаточно хорошо, чтобы не задавать лишних вопросов.

За дверью стоял новый охранник. У него было совсем молодое лицо и след от недавно снятого пластыря на подбородке. Лиа посмотрела на него, затем на Эстер.

— Завтрак входит в положение?

— В этом доме все делают что-нибудь полезное. Безделье портит характер.

На кухне было жарко. Огромная плита гудела, стекло над мойкой запотело. Пожилая повариха раскладывала хлеб в корзины, а девочка лет восемнадцати вытирала поднос, прижимая к уху телефон плечом. При появлении Эстер она оборвала разговор. На экране мелькнула фотография младенца в шерстяной шапке.

Лиа посадили за маленький стол возле служебной лестницы. Отдельная чашка, каша, половина яблока. Она ела медленно, стараясь не выдать, как пусто в животе. В доме никто не говорил о вчерашней крови. По радио спорили о ремонте набережной, повариха сетовала, что картофель опять привезли мокрый. Обычные слова обступали Лиа с такой плотностью, что ей хотелось закричать и нарушить эту согласованную нормальность.

После завтрака ей дали корзину скатертей. Эстер объяснила, на какой полке лежит чистое бельё, какие салфетки требуют отдельной стопки. Лиа спросила, есть ли у этой работы срок.

— До обеда закончишь, если не будешь разговаривать.

— Я спрашиваю про своё пребывание.

Эстер открыла шкаф, продемонстрировав порядок, который существовал до Лиа и должен был пережить любые её возражения.

На верхней полке стояла маленькая деревянная коробка с пуговицами. Эстер сняла её, показала, где искать замену, если обнаружится порванная наволочка. Внутри лежали десятки одинаковых белых кружочков, несколько металлических застёжек и один детский значок в форме кораблика. Лиа задержалась на нём взглядом. Женщина тут же закрыла крышку: лишнее, давно пора разобрать. Какая-то прежняя жизнь этого дома тоже оседала среди мелкого хозяйственного запаса, но Эстер не позволяла даже ей нарушить назначенную ячейку.

Потом нужно было проверить комплекты для гостевых комнат. Лиа расправила пододеяльник, просунула руку в угол, нащупала разошедшийся шов. Движения давались легко; унижение заключалось не в работе. Дома она могла гладить целый вечер, слушая, как Анна рассказывает о заказчиках. Здесь самую обычную обязанность сделали доказательством чужого права распределять её день. Эстер спрашивала, умеет ли она шить, тем же голосом, каким распоряжалась вынести испорченные цветы.

Лиа ответила, что умеет. Женщина положила рядом иголку и катушку. На секунду возникла глупая надежда: может быть, если разговаривать ровно, Эстер признает в ней взрослую и позволит позвонить без Адриана. Лиа спросила о телефоне ещё раз. Эстер даже не подняла головы, велела подобрать нитку ближе к оттенку ткани. Надежда схлопнулась так быстро, что Лиа стало неловко перед самой собой.

Она зашила угол аккуратно, мелкими стежками. Потом отрезала нить и положила пододеяльник поверх остальных. Ровный шов останется в чужой комнате; никто не узнает, чьи

пальцы его сделали. Лиа неожиданно захотела оставить хотя бы один стежок кривым и не оставила. Своё умение она не собиралась портить ради людей, которым оно ничего не значило.

Скатерти пахли крахмалом. Лиа складывала их на длинном столе, вспоминая, как Анна гладила отреставрированную обложку через промокательную бумагу. Движение рук было почти таким же: разгладить середину, осторожно прижать край. От этой похожести что-то подкатывало к горлу. Лиа заставила себя думать о другом. Из прачечной выводили две двери, одна в кухню, вторая в коридор с зелёной полосой на стене. Там пахло сырым камнем. На этой стороне дома солнце, вероятно, не появлялось даже летом.

Она дошла до двери, когда молодая работница принесла очередную корзину.

— Там двор? — спросила Лиа.

Девушка потупилась.

— Мне нельзя.

Не «не знаю». Лиа услышала разницу. За открытым на секунду коридором показался прямоугольник наружного света, затем девушка осторожно закрыла дверь бедром. На её указательном пальце была синяя нитка, повязанная вместо кольца.

В полдень Лиа потребовала телефон. Эстер велела отнести полотенца наверх. Лиа поставила корзину на пол.

— Я должна поговорить с матерью.

— Твоя мать получила сообщение.

— От кого?

— Это обсуждают с Адрианом.

— Позови его.

Эстер посмотрела так, словно Лиа вытерла руки о столовую скатерть. Охранник у служебной лестницы перестал рассматривать ноготь.

— Подними корзину.

— Сначала телефон.

Позже Лиа многократно возвращалась к этой минуте, пытаясь найти ту единственную ошибку, после которой следовало наказание. Можно было поднять полотенца. Можно было промолчать, дождаться Адриана и попросить. Однако при каждом таком исправлении оставалось главное: она всё равно не получила бы права выйти. Ошибкой для них было её желание распоряжаться хотя бы собственным голосом.

Эстер провела её в конец сырого коридора. Дверь чулана была узкой, с маленьким матовым окошком сверху. Там держали старые одеяла, мешки с прищепками и ящик сломанных вешалок. Лиа успела увидеть голую трубу вдоль пола, прежде чем женщина велела ей войти.

— Ты серьёзно?

Эстер кивнула охраннику. Он не смотрел Лиа в глаза. За его плечом виднелась кухня, оттуда тянуло супом с пореем.

— Разумнее самой, — сказал он тихо.

Дверь закрылась. В щели под ней осталась полоска света.

Сначала Лиа стучала. Потом ударила ладонью так сильно, что боль прошла до локтя. Эстер ответила с той стороны:

— Когда успокоишься, станет легче.

— Кому?

Шаги ушли. Лиа осталась с запахом сырого войлока.

Чулан был не запертой комнатой с кроватью. Его размеры сообщали другое: здесь человеку не полагалось проводить время. Сесть можно было на низкий ящик, если убрать вешалки. Лиа переставила их в угол и села. Через несколько минут холод прошёл сквозь брюки. Она поднялась, стала ходить от стены к стене. Четыре шага, поворот. Труба оказалась ледяной. По

ней текла вода в дальнюю часть здания, и каждый раз, когда наверху открывали кран, железо дрожало.

Она считала шаги, потом отказалась от счёта. Раздражение ещё грело. Лиа придумывала, что скажет Адриану, как заставит охранника отвернуться, как уйдёт по мокрой дороге в город. Постепенно мысли стали короче. Ей хотелось пить. Желудок скрутило, и она вспомнила оставленное на тарелке яблоко.

В стене за ящиком была старая царапина: три кривых буквы, которые могли означать имя или обозначать полку. Лиа провела по ним пальцами. Ей вдруг отчаянно понадобилось знать, кто здесь был до неё. Человек, хватившийся карандаша, или рабочий, отмечавший место для белья. Одно объяснение пугало, другое унижало не меньше: никто не строил особой тюрьмы, для неё хватило хозяйственного решения.

Дверь открылась, когда свет под нею уже стал желтоватым. Эстер поставила на пол кружку воды.

— Будешь выполнять просьбы?

Лиа не ответила. Нагнулась за кружкой, и колени дрогнули. Эстер увидела это. На лице её не возникло удовольствия, только удовлетворение выполненной работой, от которого становилось ещё страшнее.

— Адриан знает? — спросила Лиа.

— У меня есть полномочия поддерживать порядок.

Этой фразы было достаточно. Лиа выпила воду, не предлагая женщине ни благодарности, ни обещания.

К вечеру зубы стучали так, что приходилось сжимать челюсть. Одеяла на верхней полке были мокроватыми, пахли мышами; она завернулась в одно, оставив ноги снаружи, чтобы не касаться холодного пола босиком. Заснуть не удавалось. От каждого шороха за дверью она выпрямлялась, а затем ненавидела это движение, похожее на надежду.

Один раз за стеной кто-то уронил ведро. Потом раздался сердитый шёпот, и Лиа постучала костяшками пальцев, осторожно, почти вежливо. С той стороны замолчали. Она сказала своё имя и попросила позвать кого-нибудь. Ведро отодвинули по плитке. Шаги удалились. Лиа представила человека, который сейчас вернётся домой, поставит чайник, сядет перед экраном и постарается не вспоминать звук из чулана. Ей захотелось ненавидеть его с той же силой, что Эстер, но ненависть требовала слишком много тепла.

Она вспомнила Павла. Однажды зимой он взял её на вызов в старую булочную, где отказала вытяжка. Владелец считал, что мастер должен починить всё за десять минут, раз детали мелкие. Павел объяснял, что система состоит из многих мелочей и каждый перекрытый клапан меняет остальное. Лиа тогда сидела на мешке с мукой, ела горячую корку и не слушала. Теперь вдруг увидела его красные от мороза уши и подумала о том, сколько маленьких действий понадобилось для этого чулана. Кто-то держал ключ. Кто-то отвёл глаза. Кто-то решил, что вода считается уступкой. Без этих мелочей у Эстер не получилось бы провести здесь целый день с чистыми руками.

Лиа подтащила к себе пустой мешок, сложила его вчетверо и подложила под ступни. Это почти не согрело, зато вернуло возможность сделать выбор без свидетелей. Она стала вспоминать номер телефона отца по одной цифре, пока не перестала путаться. Затем номер Анны. Потом Марка. Его цифры дались легче всего.

***

Адриан пришёл после десяти. Лиа узнала его по паузе между поворотом ключа и нажимом на ручку. Он стоял в светлом коридоре, не снимая пальто. За ним Эстер объясняла что-то о заносчивости и дисциплине.

— Выйди, — сказал он.

Лиа поднялась не сразу. Ступни занемели. На первом шаге её повело вбок, и он протянул руку. Она упёрлась ладонью в стену, пережидая головокружение.

— Удобное место. Дёшево отапливать, — произнесла она.

Адриан посмотрел на одеяло у неё на плечах, потом на кружку.

— Тебе принесли еду?

— До этого пункта воспитания мы не дошли.

Эстер открыла рот. Он остановил её движением пальцев. Лиа следила за этим жестом с болезненной ясностью. Один палец, и тётя замолчала. Значит, никакой самостоятельной власти чулана не существовало. Всё держалось на человеке, который сейчас выбирал для неё более удобную форму заключения.

— Она больше здесь не останется, — сказал он.

— Я вообще здесь не останусь, — ответила Лиа.

Он проводил её наверх. На кухне им вслед выглянула девушка с синей ниткой; лицо тут же исчезло. В комнате ждал поднос. Лиа села перед ним, но руки дрожали, и ложка звякнула о край тарелки.

— Эстер зашла слишком далеко, — произнёс Адриан.

— Где ты провёл границу?

— Лиа.

— Укажи мне точное место. У лестницы? До воды? После воды? Ей ведь надо понимать правила.

Он снял пальто. Лиа следила за медленными движениями, заставлявшими весь мир подстраиваться под его темп.

— Завтра поговоришь с Анной. Сегодня поешь.

— Я не умею есть по обещанию.

Адриан достал телефон. Набрал номер и включил громкую связь. Когда Анна ответила, Лиа закрыла глаза: голос оказался слишком близко. Мать спросила, где она, почему не приходит, что случилось с Марком. Лиа видела перед собой руку, лежавшую рядом с телефоном, и знала, что в любой момент эта рука оборвёт разговор.

— Я жива, мама. Со мной сейчас нельзя увидеться. Я объясню, когда вернусь.

— Тебе нужна помощь?

Вопрос был задан очень спокойно. Анна умела не пугать перепуганных детей.

Лиа посмотрела на Адриана.

— Да, — сказала она.

Он отключил связь. Несколько секунд они молчали.

Лиа взяла ложку. Суп был горячим и солёным. От первого глотка заболели зубы. Она ела и плакала бесшумно, потому что сил на аккуратную ненависть больше не осталось, а завтра ей опять потребуется тело, способное подняться.

Глава 17. Чужой счёт

На пятый день ей принесли кроссовки. Лиа узнала свою пару: на левой пятке белела полоска, которую Марк однажды подклеил, ворча, что она снова стирает обувь снаружи. Между шнурками торчал сухой листок. Значит, кто-то побывал там, где лежали её вещи, перебрал их, выбрал подходящее.

Она проверила под стельками, сама не зная, чего ждёт. Записки не было. Только знакомая вмятина от ступни.

Северин Келл ожидал в стеклянной галерее. В депо он стоял между Марком и дверью, а потом говорил по телефону, пока Лиа держала испачканную кровью руку друга. Здесь, в светлом доме, его тёмный костюм позволял принять его за часть обстановки. Теперь на нём была спортивная одежда без надписей. Возле ног стояла бутылка воды, на подоконнике лежал секундомер.

— С сегодняшнего дня занятия утром и после обеда, — сказал он. — Опоздание увеличивает время.

— А жалобы уменьшают?

Он посмотрел на её обувь.

— Самоуверенность лечится быстрее всего.

Зал устроили в бывшем зимнем саду. Из-за матового стекла дальняя часть дома выглядела погружённой в молоко. Под высокими балками стояли маты, тяжёлые мешки, скамья с чистыми полотенцами. В углу осталась каменная чаша для растений, и на её внутренней стороне виднелись корни давно убранного плюща. Ничто здесь не было приспособлено для зрителей. Лиа всё равно чувствовала себя выставленной напоказ.

Северин заставил её бежать. Первые минуты были почти облегчением: знакомая работа мышц позволяла не думать. Она занималась давно, её тело помнило нагрузку, а Марк умел говорить, что именно нужно исправить, без презрения. Здесь каждое движение почему-то заранее считалось ошибкой. Слишком быстро — тратишь силы. Замедлилась — жалеешь себя. Вопрос о времени был назван попыткой торговаться.

Когда дыхание сбилось, Северин предложил продолжать без пауз. Лиа поняла, что он изучает её предел, и от этого захотела отодвинуть его дальше. Она продержалась ещё несколько минут, затем в боку началась резкая боль.

— Довольно, — сказала она.

— Здесь это слово произношу я.

Лиа остановилась. Пол качнулся. Северин подошёл, схватил её за предплечье и вернул в движение толчком. Она вывернула руку — привычка сработала раньше рассудка — и услышала за спиной короткий смешок. Следующее мгновение закончилось на мате. Воздух вышибло так, что она не смогла сразу вдохнуть.

Он подождал, пока она сядет.

— Защита с площадки колледжа. Предсказуемо.

Марк никогда не обещал, что сделает её непобедимой. Он учил оценивать возможность уйти, беречь колени, не соревноваться с человеком, превосходившим её силой. Здесь уйти было нельзя, и всё, что сохраняло жизнь за пределами зала, Северин объявлял слабостью.

Лиа поднялась, прижимая локоть к боку.

— Ты тренируешь меня или проверяешь, сколько понадобится Норе?

Келл нажал кнопку секундомера.

— Я выполняю распоряжение.

Адриан пришёл к концу занятия. Лиа сидела на полу, отвинчивая крышку бутылки дрожащими пальцами. Он прослушал короткий отчёт Северина. «Сопротивляется», «не распре-

деляет усилия», «привычка контролировать условия». Ни разу не прозвучало, что её свалили на мат после отказа продолжать.

— Тебе нужно учиться, — сказал Адриан, когда Келл отошёл.

— Чему? Красиво падать по расписанию?

— Выживать среди людей, которые тебя ищут.

— Ты уже нашёл.

Он сел на скамью. На его лакированной туфле осталась серая пыль от мата. Эта мелочь почему-то привлекла Лиа сильнее любого выражения лица.

— За воротами достаточно людей, которым нужна твоя смерть. Здесь я могу дать подготовку.

— И запретить выход. Отличный способ проверить качество услуги.

Он не рассердился, но посмотрел на Северина. Тот расправлял сложенное полотенце с педантичной аккуратностью.

— Без повреждений, которые мешают следующим занятиям, — произнёс Адриан.

Лиа услышала формулировку целиком. Пределом была не её боль. Пределом назначили возможность продолжать завтра.

Вечером после первого занятия Лиа попыталась вспомнить последнюю нормальную тренировку с Марком. Они пришли в зал поздно, потому что у него сломался велосипед, а у неё затянулся семинар. В раздевалке текла вода из крана. Марк жаловался, что администрация третий месяц обещает новую прокладку, и сказал, что однажды починит сам, только из вредности. Потом они занимались меньше часа. Когда Лиа сообщила, что голова болит, он убрал инвентарь и пошёл за водой, не потребовав доказать, что боль достаточно серьёзная.

Тогда она рассердилась. Ей казалось, что он недостаточно верит в её упорство, слишком легко отпускает домой. Марк выслушал и попросил решить, чего она хочет добиться: научиться пользоваться телом или наказать его за то, что оно боится. Лиа назвала его занудой. Они купили картошку в бумажном пакете, спорили до самой остановки, и в конце она всё-таки отдала ему последнюю длинную дольку. Воспоминание о горячем картофеле сейчас оказалось почти непереносимым. Человека можно было любить за то, что он разрешал остановиться, и понять это только там, где остановку отменили.

Лиа села на пол у кровати и попробовала осторожно размять плечи. Ни одно упражнение не превратилось в тайное достижение. Боль оставалась, рука плохо слушалась. Она прекратила через несколько минут, легла на бок и впервые сознательно отказалась доказывать что-либо пустой комнате. Из коридора слышался смех охраны. Там кто-то рассказывал историю, которой все уже знали конец, потому что начинали смеяться заранее. Лиа закрыла глаза. Завтра в зале потребуют новый результат; сейчас она могла хотя бы не продолжать их работу за них.

***

К концу первой недели время разделилось по звуку дверей. Утренняя открывалась без стука; обеденная после короткого удара; вечерняя зависела от того, хотел ли Адриан говорить. Между ними лежали зал, душ, работа в бельевой и ожидание. Эстер больше не отправляла Лиа в чулан. Для наказания нашлись другие способы: поднос уносили раньше, чем она успевала сесть, тёплый свитер исчезал из шкафа после «небрежности», час во дворе заменялся часом на лестнице с вёдрами.

Один раз Лиа спросила повариху, почему в тарелке только рис. Та взяла с плиты маленькую кастрюлю, зачерпнула бульон и долила, не глядя на дверь.

— Пригорело всё остальное, — сказала она.

На большой плите лежали румяные куриные бёдра. Лиа молча съела бульон. Повариха вытирала ладони об одинаково серые края передника и не поднимала головы.

Вечером Нора попросила показать запястье. На коже проступили следы пальцев. Она потрогала сустав, спросила, где именно болит, и записала ответ в тонкую тетрадь.

— Для чего? — спросила Лиа.

— Чтобы помнить, как меняется состояние.

— А если тетрадь прочтут?

Нора подержала ручку неподвижно.

— Я пишу медицинские наблюдения. Он знает, что я их веду.

Лиа хотелось сказать, что это ничего не меняет. Но боль в запястье имела теперь дату, цвет, степень отёка. Её хотя бы перестали называть капризом.

— Завтра тебе нужен отдых, — произнесла Нора.

— У нас тут это слово не произносят.

Врач ушла к Адриану. Через полчаса принесли фиксирующий бинт; занятий не отменили. Северин дал упражнения, «щадящие руку», и за время, которое Лиа провела в зале, трижды заставил её опереться на больное запястье. На третий раз она осталась сидеть.

Он присел напротив.

— Тебя учили, что отказ работает.

— Иногда работает. Например, если человек не глухой.

— Ты можешь истратить на него все силы.

Лиа посмотрела на его чистые шнурки. Слова звучали спокойно. Келл объяснял устройство мира, удобного для Келла, и ожидал, что она поблагодарит за ясность. Она не поднялась, пока не закончилась назначенная минута. Этот крохотный срок принадлежал ей, даже если за него пришлось потом дольше стоять у стены.

***

Между тренировками Лука Фалько дважды принёс ей задания из колледжа. Он пах холодным воздухом и кофе из машины, держал папку, закрывая ею живот. Лиа помнила его улыбку с занятий статистикой: студентам она нравилась, потому что обещала прощение за любую недоделанную таблицу. Здесь улыбка как будто пыталась извиниться заранее.

— Деканат оформит пропуски, — сказал он. — Временные семейные обстоятельства.

Лиа перелистнула распечатки. Вверху стояло её имя, дальше следовал вопрос о доверии к общественным институтам. Она рассмеялась. От смеха отозвалось болью ребро, и Лука потянулся помочь, но остановил руку на полпути.

— Ты понимаешь, что поддерживаешь? — спросила она.

Он отодвинул папку, словно та могла защитить от ответа.

— Я всего лишь забрал материалы.

— А потом всего лишь отвезёшь ответ. Какое слово написать, чтобы его прочитали?

Лука покраснел. Снаружи послышался кашель охранника. Преподаватель сразу повернул голову к двери.

— Не делай хуже, — попросил он.

Лиа захотелось швырнуть в него задания. Она представила, как листы разлетаются по ковру, как потом заставят собирать каждую страницу. Вместо этого спросила, был ли он у Марка. Лука ответил, что не пускают никого, кроме близких; затем добавил, слишком быстро, что состояние стало лучше. Впервые за всё утро ей удалось вдохнуть глубже.

В папке нашёлся конспект Нессы. Почерк шёл наискось, на полях были нарисованы крошечные лампы и человек с огромной головой — карикатура на преподавателя, которого подруга терпеть не могла. Лука сказал, что взял тетрадь у старосты. Лиа проверила каждую страницу в надежде найти записку. Записки не оказалось. Пришлось напомнить себе, что подруга не знала, куда попадёт конспект, и не обязана была угадывать путь. Лиа всё равно вырезала из копии маленькую нарисованную лампу и поставила возле настольного света. Чужой смешной рисунок оказался первым предметом в комнате, который никто здесь для неё не выбирал.

Она оставила распечатки у себя. На обратной стороне таблицы можно было вести календарь. Лиа поставила десять коротких чёрточек, подписала приблизительные даты и спрятала лист под ящик стола. Выполненную работу не обещала. Лука всё равно поблагодарил, привыкнув заканчивать так любой неприятный разговор.

На десятый день пошёл первый мокрый снег. Он таял в саду, оставляя на кустах стеклянные бусины. Лиа разрешили выйти на двадцать минут после обеда, и она прошла вдоль дорожки до старой оранжереи. Сопровождающий держался на расстоянии. Он говорил по телефону с женой и обещал купить лекарство по дороге домой. Слова «по дороге домой» задели Лиа с внезапной силой.

У оранжереи рабочий заменял разбитую секцию стекла. Он наклонился за инструментом, и над поясом стала видна полоска белой майки. Лиа увидела трещину в бетоне, мокрую садовую тележку, приоткрытую калитку в хозяйственный двор. До неё было несколько обычных шагов. Такие шаги люди делали целый день, не задумываясь о стоимости.

Лиа повернулась к охраннику. Тот слушал жену, хмурясь, и выговаривал название лекарства по слогам. Ей хватило бы времени дойти до калитки. Потом он заметил бы. Потом нашёл бы её кто-нибудь ещё.

Она продолжила идти по дорожке, и это решение показалось трусостью, пока на обратном пути ноги не начали дрожать. В зале она истратила больше сил, чем предполагала. В мокрых кроссовках ныла каждая кость. Считать собственное состояние приходилось заново: прежнее тело, которое бегало с Марком по кампусу, ещё существовало в памяти, но сейчас Лиа располагала другим.

В комнате на столе лежала книга по переговорам. На первой странице Адриан написал: «Попробуй понять другую сторону». Почерк был угловатый, буквы почти не соединялись.

Лиа вырвала лист из блокнота, который оставили ей для заметок, и написала ответ: «Я понимаю, что дверь заперта». Подсунула лист под книгу. Больше ничего не сделала. Её вымотали до той степени, когда даже жест протеста требовал беречь пальцы.

Через час вошёл Адриан. Он прочёл записку, положил на стол и спросил, болит ли рука. Лиа ответила, что да. Он позвал Нору, дождался, пока она проверит бинт, и попросил приготовить тёплый ужин.

Эти просьбы прозвучали с той же уверенностью, с какой утром он подтвердил время занятий. Лиа лежала, глядя в потолок, и училась удерживать рядом оба воспоминания. Человек мог принести еду и оставить её взаперти. Благодарность желудка не должна была получить право решать за всё остальное.

Глава 18. Дорога под листьями

На четырнадцатый день сменили стекло в оранжерее. Рабочий закончил поздно, когда в саду уже зажгли огни, и оставил у стены пустые ящики. Лиа видела их из окна: чёрные прямоугольники, прикрытые брезентом. Она лежала, не выключая настольной лампы, и думала об обычной бесцеремонности вещей. Ящик можно вынести. Разбитое стекло можно увезти. Даже мусору давали покинуть дом.

Утром Северин отменил второе занятие: в галерее меняли покрытие. Освободившееся время Эстер назначила для разбора старых полотенец. Лиа работала молча, раскладывала истончённые и ещё годные стопки. Прачечная гудела. Пар оседал на лице. Молодая работница с синей ниткой на пальце складывала детскую кофту, которую принесла из дома постирать вместе с казённым бельём.

До этого было десять минут во дворе. Охранник позволил ей постоять под навесом, пока сам принимал коробку с перчатками. Лиа видела, как пришедший рабочий расписался в маленькой тетради, и вдруг поняла, что не знает дня недели. Календарь в комнате показывал порядковые дни плена, но не связывал их с обычной жизнью. Она спросила у мужчины. «Четверг», — ответил тот и сразу уточнил у охранника, где можно поставить пустую тележку. Ему не пришло в голову удивиться вопросу.

В четверг у неё обычно была пара, на которой преподавательница говорила слишком тихо. Несса опаздывала и пересаживалась к окну, Тим появлялся после работы с невыспавшимся лицом. Лиа представляла их места с такой точностью, будто аудитория находилась за следующей дверью. Через час кто-нибудь откроет окно, студенты начнут жаловаться на холод, и спор закончится голосованием. Даже там, где её раздражали маленькие правила, существовала возможность высказаться и уйти.

Охранник позвал её внутрь. Лиа ещё секунду смотрела на тележку, оставленную колесом в луже. Она не искала в ней способ спрятаться, не оценивала дорогу. Просто слишком долго видела предмет, который скоро увезут. Желание выйти началось с этой глупой зависти. Позже Северин назовёт поступок необдуманным, и отчасти будет прав: Лиа не составляла хорошего плана. Однако долгое размышление приучало её только к тому, что за каждым выходом стоит новый охранник. Чтобы сделать первый шаг, пришлось на минуту перестать принимать это знание за исчерпывающее.

— У тебя ребёнок? — спросила Лиа.

Та встрепенулась, оглянулась на дверь.

— Племянник. Сестра в больнице.

Больше она не сказала. Через минуту убрала кофту в сумку, словно Лиа могла отобрать её маленькую привилегию. Лиа отвернулась. Она уже привыкала замечать чужой страх, и это было одним из самых неприятных приобретений плена: страх размножался, занимал людей, которые ничего не знали о Вальери и «Книге приливов».

После обеда на кухне потекла труба. Павел мог бы исправить её, подумала Лиа, прежде чем успела остановиться. Её отец вошёл бы с ящиком инструментов, попросил тряпку, заглянул под мойку. Она так ясно увидела его за столом, что у неё заболели глаза.

Эстер позвала охранника, велела перекрыть воду, потом вышла к рабочим. Дверь в хозяйственный двор осталась открытой, потому что внутрь вносили длинную лестницу. Лиа стояла с корзиной полотенец у самого порога. Её никто не держал за руку. В этом мгновении не было ни решения, ни красивого мужества. Просто промежуток между двумя чужими распоряжениями.

Она поставила корзину и вышла.

Во дворе пахло топливом и мокрыми дровами. На камне лежал шланг. Лиа переступила через него, будто шла по делу, и добралась до угла оранжереи. Там заканчивалось ровное моще-

ние и начинался склон, заваленный листьями. Дальше виднелись сосны, а между стволами — светлая полоса дороги.

Она побежала.

Мокрые листья сдвинулись под подошвами. Ей удалось удержаться на ногах, но больное запястье сразу заныло от резкого взмаха. За спиной кто-то окликнул работника. Это могли кричать не ей. Лиа всё равно ускорилась, пригибаясь под низкой веткой. Холодный воздух ударял в горло. Возле корней земля была вязкой, и каждый шаг требовал неожиданного усилия.

Она представляла городскую больницу: стеклянные двери, запах антисептика, Марк, который спросит, почему она так долго. До больницы нужно было только добраться. До любого телефона. До любого человека, которому можно произнести своё имя и не получить за это наказание.

Лиа выскочила к старой ограде внизу сада. Она не заметила её из окна: железо пряталось среди зарослей. За сеткой шёл человек в рабочей куртке, кативший тачку с обрезанными ветками. Лиа ухватилась за прутья.

— Помогите.

Он остановился. У него были широкие ладони и два маленьких пластыря на большом пальце. Он посмотрел вверх, туда, где сквозь деревья проступал дом.

— Я не могу здесь открывать.

— Мне нужен телефон. Вызовите шерифа. Меня зовут Лиа Морозова.

Человек сглотнул. Его тачка накренилась, несколько веток упали в грязь.

— Идите к главным воротам.

— Если бы я могла, я бы не просила.

Он всё понял. Она видела, как понимание пришло, как изменило лицо и тут же заставило отступить. В кармане у него зазвонил телефон. Мужчина не ответил. Звонок продолжался, обычная весёлая мелодия, которой пользовались тысячи людей. Лиа вдруг почувствовала такую ярость, что прутья согрелись в её пальцах.

— Я прошу сделать один звонок.

— У меня мать в их клинике, — сказал он едва слышно.

Лиа замолчала. Над оградой шевельнулась ветка. Со стороны дома раздались шаги, пока ещё далеко. Мужчина нагнулся за упавшими обрезками и стал поднимать их одну за другой, старательно и бессмысленно.

Она отступила от сетки. Можно было бежать вдоль неё, искать просвет, кричать. Но мужчина уже дрожал, и его собственный страх стоял между ними плотнее железа. Лиа побежала обратно по склону, затем свернула в сторону, в незнакомые кусты, где не было дорожки. Ветка хлестнула по щеке. Нога попала в ямку, и она упала на колени.

Боль в лодыжке оказалась совсем иной, чем на тренировке: живая, белая, растущая. Лиа попыталась встать, выдохнула сквозь зубы. В нескольких шагах хрустнули листья.

Северин не торопился. Он вышел из-за сосны, остановился и посмотрел на её обувь, облепленную грязью.

— Три минуты, — произнёс он.

Ей захотелось плюнуть в него. Вместо этого она спросила:

— Ты засекал?

— Разумеется.

Он приблизился. Лиа отшатнулась, опираясь на ладони, и больное запястье отказалось держать вес. Тогда он поднял её за плечо. Она закричала, и крик удивил её саму: до этого момента она почему-то полагала, что сможет вернуться молча.

Два охранника появились сверху. Один оказался тем молодым, с зажившим следом на подбородке. Он избегал смотреть на её лицо. Они вели её между собой, неся большую часть

веса; листья хлюпали под тремя парами ног. Дом приближался медленно. В освещённом окне кухни стояла Эстер.

***

Нора сказала, что перелома, вероятнее всего, нет, но осмотр и снимок всё равно нужны. Ей принесли переносное оборудование только к вечеру. За это время Лиа успела пережить несколько приступов тошноты и выслушать Северина, перечислившего все её ошибки с точностью до несуществующих секунд.

— Выйдите, — сказала Нора.

— У меня распоряжение быть рядом.

— Можете стоять в коридоре. Ваше присутствие не помогает суставу.

После паузы Келл вышел. Нора закрыла дверь и осторожно подвинула подушку под ногу.

— Упала сама? — спросила она.

Лиа кивнула.

— Я запишу именно это. Но если кто-то сделал тебе ещё больно, скажи.

Лиа смотрела на её потрескавшиеся губы.

— Человек у нижней ограды. Который убирает сад. Его не тронут?

Нора сразу отвела взгляд. Этого было достаточно, чтобы Лиа вцепилась ей в рукав.

— Он не помогал. Он вообще ничего не сделал.

— Я скажу.

Лиа ослабила пальцы на её рукаве. Под ними осталась вмятина, крошечный чужой след, который можно было разгладить одним движением. Она извинилась за хватку. Нора ответила, что всё в порядке, но Лиа всё равно убрала руку под одеяло. После возвращения ей хотелось заставить хотя бы одного человека сделать именно то, о чём она просит. Желание казалось понятным и одновременно опасно знакомым. Пришлось произнести просьбу ещё раз уже без пальцев на ткани, допуская, что врач способна ответить только за собственное действие. Это оказалось труднее, чем кричать у ограды.

— Скажи так, чтобы услышали.

Адриан пришёл позднее, когда нога уже была зафиксирована. Он придвинул кресло, но не сел. Лиа знала, что он видел её грязную одежду; её унесли в пакете, как улику, хотя единственное преступление заключалось в пройденном расстоянии.

— Тот человек не открыл ворота, — сказала она сразу.

— Я знаю.

— Не наказывай его.

Адриан опёрся на спинку кресла.

— Он продолжит работать.

— Мать тоже оставьте в покое.

Он посмотрел внимательнее, словно эта просьба сообщила о ней что-то новое. Лиа почувствовала отвращение. Даже забота о постороннем могла стать частью его интереса к ней, пищей для внимательного чужого взгляда.

— Ты могла сильно пострадать, — произнёс он.

— Я сильно пострадала ещё до ограды.

— Я говорю о сегодняшнем дне.

— Я тоже.

Внизу работала стиральная машина. Звук шёл по трубам, неровный и тяжёлый. Адриан предложил воду. Лиа отказалась. Он поставил стакан достаточно близко, чтобы позже она могла дотянуться сама, и это аккуратное движение опять оказалось частью общего несоответствия: человек видел неудобно поставленную воду и не желал видеть запертую дверь.

На следующий день ей запретили спускаться. Дежурный принёс завтрак и поставил его на дальний край стола. Лиа попросила подвинуть ближе. Он ответил, что ей полезно двигаться,

и вышел. Она долго сидела, глядя на поднос. Потом всё-таки встала, опираясь на спинку стула. Чашка дребезжала на блюдце, пока она переносила её к постели. Даже этого человека плен успел научить говорить о её здоровье с чужой уверенностью.

К полудню появилась Нора со снимком. Она показала светлые кости на чёрном фоне, объяснила, где находится повреждённая связка и почему боль может сохраняться дольше отёка. Лиа всматривалась с почти детским удивлением. Внутри у неё по-прежнему существовали аккуратные суставы и маленькие сложные поверхности, которые не знали ни имени Равелли, ни условий сделки. Им требовались время и покой.

— Ты говорила с ним? — спросила она.

Нора кивнула.

— Садовник на работе. Его мать получает прежнее лечение.

Лиа выдохнула. Врач села рядом, и несколько минут они молчали. Потом Нора рассказала, что сегодня в городе закрыли старый мост на ремонт. Теперь ей ездить на четверть часа дольше; утром она опоздала к пациентке, которая ждала с шести. Новость была совершенно бесполезной для Лиа и потому неожиданно драгоценной. Мир снаружи продолжал занимать время: мост ремонтировали, пациентка сердилась, люди договаривались на завтра. Она попросила рассказать ещё что-нибудь. Нора подумала и сообщила, что в больничной кофейне научились делать приличный чай. У Марка рядом с палатой должен был пахнуть чай, решила Лиа. Ей стало немного легче дышать.

Когда Нора ушла, Лиа доползла до края постели и достала спрятанный календарь. Рядом с четырнадцатой чёрточкой поставила точку. Хотела написать «неудача», но рука остановилась. Она узнала, что склон круче, чем кажется, что нога плохо держит после нагрузок, что случайный человек может испугаться за мать. Всё это следовало помнить. Простое слово скрывало слишком много.

Лиа вернула лист на место. Подошвы её кроссовок ещё хранили налипшие листья. Убирать их она не стала. Наутро кто-нибудь заметёт грязь с пола, но эту короткую дорогу она уже прошла сама. Снаружи шёл дождь. Она слушала, как вода попадает в жёлоб, и старалась представить весь склон целиком, без паники, закрывавшей обзор. Там были реальные деревья и реальная ограда. Их существование не зависело от того, что говорил Северин. С ними можно было ошибиться, узнать больше, когда-нибудь выбрать другое направление. Эта мысль удержала её от слёз лучше, чем обещание скорого спасения.

Глава 19. Палата у лестницы

На третьей неделе Марку разрешили короткие посещения. До этого у него поднялась температура, и два дня Лиа получала только фразы, от которых нельзя было ни успокоиться, ни окончательно испугаться. «Врачи наблюдают». «Такое бывает после операции». Каждый человек в доме произносил их с видом специалиста. Нора однажды сказала, что сама не видела анализов и потому не станет изображать уверенность. Лиа была благодарна ей именно за это.

Адриан предложил поездку после завтрака. Она сначала решила, что неправильно услышала.

— Ты увидишь его. Двадцать минут, если разрешит врач.

— Почему?

— Потому что ты всё равно больше ни о чём не думаешь.

Он положил возле неё шарф. Новый, тёмно-синий. Лиа не стала спрашивать, нельзя ли вместо него вернуть собственный телефон. Она уже поняла цену вопросов, на которые отвечали вещью.

У машины стоял Лука. Он открыл заднюю дверцу, потом виновато улыбнулся. Лиа села рядом с Адрианом и положила руки на колени. Опухоль на лодыжке спала, однако нога ещё болела после долгой ходьбы. Ей казалось, что город за две недели должен был измениться до неузнаваемости. Грейхейвен встретил её тем же киоском с газетами и желтоватыми лужами у остановок. Женщина под красным зонтом тащила ребёнка через переход, сердясь на развязавшийся шнурок.

Эта сердитая женщина могла развернуться куда угодно. Лиа следила за ней, пока машина не свернула.

Перед больницей Адриан показал ей фотографию. На снимке Несса выходила из цветочного киоска с охапкой длинных коробок. Рядом Тим придерживал дверь. Свет был вчерашний, ясный, низкий; на тротуаре лежали ветки после ветра.

— Что это? — спросила Лиа, хотя уже поняла.

— Они заняты своей жизнью. Пусть так и остаётся.

Она посмотрела на его рот, спокойно произнёсший эти слова, затем на больничный вход. До стеклянных дверей было несколько метров. Внутри находились люди, которые должны были помогать. Адриан оставлял ей возможность увидеть помощь и одновременно делал каждый шаг к ней похожим на удар по друзьям.

— Я запомню, — сказала она.

— Надеюсь.

Он услышал только удобную половину смысла.

В приёмном отделении ожидала женщина с маленьким мальчиком. Ребёнок засыпал у неё на коленях, удерживая игрушечную пожарную машину. Одно колесо отломилось; он всё пытался поставить её на пол и сердился, когда она падала. Мать отвечала на вопросы регистратора и одновременно гладила сына по голове, не глядя на него. У стойки пахло влажной одеждой и пережаренным кофе. Лиа задержалась возле плаката о правах пациентов, пока Адриан узнавал номер палаты.

На плакате крупно написали, что человек может попросить разговора без сопровождающих. Лиа прочла строку несколько раз. Она не сомневалась, что сотрудница позовёт кого-нибудь, если попросить. Трудность находилась дальше плаката, за пределами этого здания, где Несса открывала киоск, Анна ехала в мастерскую, Тим останавливался у редакционной двери. Угроза занимала весь город, и Лиа уже не умела отличать её действительную протяжённость от той, которую сама достраивала в голове.

Мальчик снова уронил машину. Она докатилась до ботинка Лиа. Та нагнулась, забыв о лодыжке, и от боли пришлось задержать дыхание. Ребёнок протянул ладонь. Лиа вернула игрушку, показала матери отломившееся колесо у ножки стула. Женщина поблагодарила, совершенно не заметив усилия. Эта обычная невнимательность вдруг оказалась облегчением: хотя бы несколько секунд на Лиа смотрели без вопроса о том, что она скрывает.

Адриан коснулся её плеча. Она отступила раньше, чем услышала слова, и женщина у стойки подняла голову. Лиа заметила внимание медсестры. Не отвела взгляда сразу, позволила ей увидеть испуг. Это было мало, но не совсем молчание. Потом пошла к лестнице, зная, что на этаже её ждут Марк и человек, которому можно повторить просьбу вслух.

Марк лежал у окна. Первым Лиа увидела его нос: резкий, слишком большой на осунувшемся лице. Затем руку поверх одеяла, длинные пальцы с коротко обрезанными ногтями, полоску пластыря. Над кроватью висел пакет с прозрачной жидкостью. На подоконнике стоял бумажный стаканчик с тремя засыхающими листьями; Несса сумела принести сюда даже нечто похожее на сад.

Дэниел поднялся со стула. Он постарел, или Лиа раньше не умела смотреть на взрослых, пока им было страшно. Его рубашка смялась у пояса, на подбородке темнела щетина.

— Лиа, — произнёс он.

Марк открыл глаза. Попробовал приподняться, и лицо его сразу изменилось. Отец удержал плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.